

АМАНДА КВИК

Запоздалая свадьба



ШАРМ

Лавиния Лейк и Тобиас Марч

Аманда Квик

Запоздалая свадьба

«Издательство АСТ»

2003

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Квик А.

Запоздалая свадьба / А. Квик — «Издательство АСТ»,
2003 — (Лавиния Лейк и Тобиас Марч)

ISBN 978-5-17-118870-2

Романтическое путешествие в загородное поместье друзей обернулось для Лавинии Лейк и Тобиаса Марча расследованием загадочного преступления. Опасности, подстерегавшие прирожденного сыщика Тобиаса и его прелестную партнершу, еще сильнее сблизили их, давняя взаимная симпатия превратилась в пылкую страсть, и благородный джентльмен делает возлюбленной предложение. А что же Лавиния? Сможет ли гордая красавица поступиться своей независимостью и принять предложение Тобиаса?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-118870-2

© Квик А., 2003
© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	37
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Аманда Квик

Запоздалая свадьба

Amanda Quick
Late for the Wedding

© Jayne Ann Krentz, 2003
© Перевод. Т.А. Перцева, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Именно мелочи и небольшие, но важные детали создают атмосферу и придают правдоподобие как реальным событиям, так и литературным произведениям. Я благодарю Доналда Бейли, бывшего сотрудника отдела греческих и римских древностей Британского музея, за важные сведения, касающиеся диадемы, некоей лампы и парика Клеопатры. Я также благодарна ему за его терпеливые наставления в искусстве смешивать в правильных пропорциях джин и тоник. Любые ошибки в тексте или смеси джина с тоником – исключительно моя вина.

Глава 1

Первые признаки того, что его тщательно продуманные планы на эту ночь обречены на провал, впервые возникли, когда он открыл дверь спальни и обнаружил стоявшую в коридоре Клеопатру.

– Ад и проклятие! – выругался он очень тихо. – Я ожидал Минерву.

Его так долго лелеемое предвкушение бесконечно страстных часов, проведенных в постели с возлюбленной и деловым партнером (хоть и не постоянным), Лавинией Лейк, таяло на глазах, а соблазнительные видения окутывались густым туманом неудачи.

Прошлое вернулось, чтобы терзать его, причем в самый неподходящий момент.

– Здравствуй, Тобиас, – прошептала женщина, опуская зеленую с золотом маску, прикрепленную к тоненькой позолоченной палочке. Диадема в виде кобры, украшавшая ее парик с длинными, затейливо переплетенными волосами, блистала в свете настенного канделябра. В темных глазах сверкнули насмешливые искорки. – Сколько лет, сколько зим. Надеюсь, позволишь войти?

Несмотря на то что они действительно не виделись три года, Аспазия Грей почти не изменилась. И по-прежнему оставалась ослепительно красивой женщиной, с классическим профилем, удивительно гармонизировавшим с надетым для маскарада костюмом царицы Египта. Тобиас знал, что ее собственные волосы были темно-каштановыми. Высокая, пропорционально сложенная, с изящной фигурой, она умела одеваться, что и доказывал выбор сегодняшнего туалета: светло-зеленое платье, отделанное золотой вышивкой, выгодно подчеркивало ее прелесть.

Сегодня Тобиасу меньше всего на свете хотелось возобновлять старые знакомства, однако явление Аспазии Грей мгновенно нарушило его душевный покой. Воспоминания о неприятностях трехлетней давности нахлынули на него с силой девятого вала.

Он с трудом взял себя в руки и воровато оглядел темный коридор. Ни души. И Лавиния, слава богу, пока не появилась. Может, если действовать быстро и решительно, он сумеет избавиться от незваной гостьи, прежде чем вечер будет окончательно испорчен.

– Думаю, вам лучше войти, – проворчал он, неохотно отступая.

– Вы все такой же, сэр, – промурлыкала она. – И, как всегда, отличаетесь редкой учтивостью.

Аспазия вплыла в освещенную огнем камина спальню в легком шорохе шелковых юбок и аромате экзотических духов. Тобиас закрыл дверь и повернулся к ней лицом. На маскараде он не заметил никаких Клеопатр, что, впрочем, и неудивительно. Замок Бомон был гигантским, расплзшимся во все стороны, уродливым чудовищем, именуемым старинным домом, а сегодня сюда слетелась целая толпа друзей, приятелей и просто знакомых хозяина. К тому же Тобиаса интересовала лишь одна-единственная гостья.

Приглашение провести несколько дней в замке Бомон пришло только благодаря покровительству лорда Вейла. Первым бессознательным порывом Тобиаса было его отклонить. Он не слишком любил подобные сборища, а уж эти казались ему невыносимо скучными, хотя в его жизни их было не так уж много.

Но Вейл напомнил ему о единственном привлекательном моменте правильно организованного приема гостей в загородном доме: «Да, тут уж не миновать утомительных, невыносимо длинных завтраков и фривольных разговоров и глупых игр, но не забывайте о крайне важном обстоятельстве: вам и миссис Лейк отведут отдельные спальни. Далее, никто не обратит ни малейшего внимания на то, какую из двух спален вы решите занять ночью. Поймите же, истинное назначение хорошо продуманного приема и кроется в том, чтобы предоставить гостям всяческие возможности подобного рода».

Объяснение истинной природы большого приема поразило Тобиаса как удар молнии. Когда же Вейл, не собиравшийся посетить Бомонов самолично, великодушно предоставил в его распоряжение один из своих экипажей, Тоби мгновенно воодушевился столь заманчивой идеей. И был крайне удивлен, мало того, вознесся на седьмое небо, когда Лавиния без особых капризов согласилась с его планами. Правда, Тоби подозревал, что ее энтузиазм связан в основном с тем, что она считала прием прекрасной возможностью завести новых клиентов. Но он не допускал, чтобы этот почти неоспоримый факт омрачил его настроение. Впервые за все время их знакомства они позволяют себе роскошь провести большую часть ночи, причем не одной, а двух, в уюте и тепле настоящей постели, за закрытыми дверями.

Мысль об этом просто ошеломляла. Какое счастье, что им не придется искать уединенных уголков в парке или обходиться столом в маленьком кабинете Лавинии! Целых три потрясающе счастливых дня ему не нужно будет полагаться на благосклонность экономки Лавинии, которую иногда можно было убедить отправиться в магазин за смородиной как раз во время его визитов.

Разумеется, он наслаждался этими слишком короткими свиданиями с Лавинией в городе, но они, хоть и восхитительные, все же проходили наспех и страшно действовали на нервы. У погоды вошло в отвратительную привычку насыпать дождь в дни их прогулки в парке, и никто не знал, когда Эмелин, племянница Лавинии, вздумает выбрать самый неподходящий момент, чтобы вернуться домой.

Нельзя было не упомянуть и о непредсказуемой природе предприятия, затеянного им и Лавинией. Если предлагаешь свои услуги людям, нуждающимся в частном расследовании, неизвестно, когда в дверь постучит новый клиент.

– Какого черта ты здесь делаешь? – рявкнул он, хмуро взирая на Аспазию. – Я думал, что ты в Париже.

– Я прекрасно осведомлена, что ты имеешь тенденцию быть откровенным до грубости, Тобиас, но, по-моему, заслуживаю более теплого приема. В конце концов, мы не просто случайные знакомые.

Она была права. К сожалению. Они навеки связаны событиями прошлого и мертвецом, которого при жизни звали Закери Элланд.

– Прошу прощения, – негромко сказал он, – но, по правде говоря, ты застала меня врасплох. Я не видел тебя днем среди других гостей, да и вечером на балу тоже не заметил.

– Я приехала довольно поздно, уже после начала праздника, и видела тебя, но ты был поглощен своей маленькой рыжей приятельницей.

Аспазия неторопливо стянула перчатки и протянула руки к огню.

– Ряди всего святого, Тобиас, кто она? Не сказала бы, что эта дама в твоём вкусе.

– Ее зовут миссис Лейк, – пояснил Тобиас, не скрывая раздражения.

– Понимаю, – кивнула она, глядя в танцующее пламя. – Вы любовники.

Она не спрашивала. Просто констатировала факт.

– Мы еще и деловые партнеры, – сухо добавил он. – Иногда.

Аспазия повернулась к нему, вопросительно вскинув брови.

– Ты имеешь в виду какие-то финансовые сделки, в которых участвуете вы оба?

– В каком-то смысле это именно так и есть. Мы с миссис Лейк зарабатываем на жизнь одним и тем же способом. Она, как и я, берется за расследование частных дел. Иногда мы работаем вместе.

Аспазия слегка усмехнулась.

– Думаю, частные расследования все же лучше, чем шпионаж, но далеко не такое уважаемое занятие, как твое предыдущее, когда ты был бизнесменом.

– Я обнаружил, что эта работа больше соответствует моему темпераменту.

– Не стану спрашивать, чем зарабатывала твоя партнерша, пока не избрала столь странную профессию.

Тоби понял, что с него довольно. Есть какие-то пределы даже для обязательств перед старыми знакомыми.

– Аспазия, объясни, что тебе надо. У меня свои планы на остаток ночи.

– Планы, которые, вне всякого сомнения, включают миссис Лейк, – кивнула Аспазия. Похоже, она искренне сожалела о том, что вторглась не вовремя. Странно... – Пожалуйста, прости меня, Тоби, и поверь, что я не пришла бы в такой час в твою спальню, если бы не дело чрезвычайной важности.

– А не может это самое дело подождать до утра?

– Боюсь, что нет.

Она вскинула голову и медленно направилась к нему.

Как всякая светская женщина, она была хорошо сведуща в тонком искусстве скрывать свои чувства и сантименты. Но сейчас за привычной холодноватой сдержанностью он угадывал тревогу и беспокойство. Тобиас немало навидался подобных эмоций и научился мгновенно их разгадывать. Аспазия Грей чего-то боялась.

– Что стряслось? – спросил он уже мягче.

Она вздохнула.

– Я приехала сюда не затем, чтобы несколько дней изнывать от скуки в провинции. Мало того, не имела ни малейшего желания принимать приглашение Бомонов и послала свои извинения несколько недель назад. Но сейчас все изменилось. Я здесь потому, что последовала за вами, сэръ.

Тоби украдкой глянул на карманные часы, лежавшие на туалетном столике, и увидел, что уже почти час ночи. Гости наверняка разошлись и готовятся ко сну. Ему позарез необходимо отделаться от Аспазии, прежде чем Лавиния постучит в дверь.

– И какого черта ты за мной гоняешься? – бросил он. – Сюда шесть часов езды от Лондона.

– Ничего не поделаешь. У меня не было другого выхода. Сегодня утром я отправилась прямо к тебе, на Слейт-стрит, но ты уже уехал. Твой лакей сообщил, что ты отправился в замок Бомон и пробудешь там несколько дней. К счастью, я вспомнила, что в приглашении упоминался костюмированный бал, и в последнюю минуту ухитрилась найти этот парик и маску.

– Ты получила приглашение на прием? – удивился Тоби, чье любопытство было наконец возбуждено.

– Да, разумеется, – небрежно отмахнулась Аспазия. – Леди Бомон рассылает приглашения всем и каждому в свете. Обожает развлекать гостей. Это ее истинная давняя страсть, а лорд Бомон только счастлив ей угодить.

Всем и каждому в свете. Он и Лавиния явно не относятся к таковым. До сих пор они умудрялись ютиться где-то на задворках высшего общества благодаря связям с такими богатыми и влиятельными бывшими клиентами, как лорд Вейл и миссис Дав, но это сотрудничество отнюдь не возвышало их настолько, чтобы попасть в список постоянных гостей титулованных особ.

А вот родословная Аспазии была безупречна. Последняя в роду, она владела значительным состоянием, унаследованным от отца. В семнадцать она вышла замуж за человека старше ее на сорок лет. Его смерть через полгода после свадьбы сделала ее еще богаче. По расчетам Тобиаса, ей сейчас было двадцать восемь. Сочетание красоты, прекрасной родословной и богатства открывало ей двери в лучшие дома. Неудивительно, что она получила приглашение к Бомонам.

– И как это экономка сумела найти для тебя комнату по первому требованию? – заметил он. – Я думал, в замке яблоку негде упасть.

– Да, я не ожидала, что здесь соберется столько народу. Но когда я приехала и дала понять, что с отказом на приглашение произошла ошибка, дворецкий и экономка посоветовались и сумели найти мне довольно уютную спальню, чуть дальше по коридору. Подозреваю, что они переселили кого-то менее значительного в менее удобное помещение.

– Объясни, в чем дело, Аспазия.

Аспазия нервно заметалась по комнате.

– Даже не знаю, с чего начать. В прошлом месяце я вернулась из Парижа, открыла свой городской дом и, естественно, намеревалась нанести тебе визит, как только устроюсь.

Все это время Тоби не сводил глаз с ее лица и решил, что не совсем верит этому утверждению. Почему-то он был уверен, что в других обстоятельствах она постаралась бы всеми силами избегать его. Что ж, вполне понятно. В ее представлении он всегда будет связан с трагическими событиями трехлетней давности.

– Так что заставило тебя передумать?

Выражение ее лица не изменилось, но изящные обнаженные плечи заметно напряглись. Да, должно быть, в самом деле случилось нечто из ряда вон выходящее, иначе Аспазия не вышла бы из себя...

– Кое-что случилось сегодня утром, – выдохнула она, снова повернувшись к огню. – Весьма неприятное. Единственное, что пришло мне в голову, – немедленно посоветоваться с тобой, Тобиас.

– Предлагаю прямо перейти к делу, – перебил он.

– Прекрасно, но ты не поверишь тому, что я скажу, если не показать, что именно было оставлено на моем крыльце этим утром.

Она открыла крошечный, расшитый бисером ридикюль, вынула небольшой предмет, завернутый в полотняный носовой платок, и протянула ему.

Тоби взял сверточек, пересек комнату и поднес его к свече. Потом развязал платок и развернул ткань.

При виде лежавшего на ладони кольца он ощутил, как волосы на затылке встают дыбом.

– Ад и проклятие! – прошептал он.

Аспазия, не отвечая, сложила руки под грудью и прикрыла глаза.

Тоби еще раз, уже внимательнее, взглянул на кольцо. Слабо поблескивающие черные камни обрамляли крохотный гробик. Он поднял крышку кончиком пальца. Из миниатюрного саркофага зловеще ухмылялся маленький череп чрезвычайно тонкой работы.

Чуть наклонив кольцо, Тоби прочел латинскую надпись на внутренней стороне крышки и, переведя древнее предостережение, чуть поморщился.

Подняв глаза, он встретился взглядом с Аспазией.

– Это старинное кольцо, так называемое мemento мори¹. Они были очень распространены раньше. Напоминали смертным о том, что все сущее бrenно и преходяще.

– Да.

Она чуть крепче обхватила себя руками.

– Ты сказала, что его оставили у тебя на крыльце?

– Его нашла экономка. Кольцо лежало в маленькой коробочке, обтянутой черным бархатом.

– А записка? Хотя бы пара слов?

– Ничего. Только проклятое кольцо.

Аспазия вздрогнула, уже не пытаясь скрыть тревогу.

– Теперь понимаешь, почему я сделала все, чтобы найти тебя как можно скорее?

– Невозможно, – отрезал он. – Закери Элланд мертв, Аспазия. Мы оба видели тело.

¹ Помните о смерти (лат.). – Здесь далее примеч. пер.

Она снова прикрыла глаза, как от боли, но тут же вскинула голову:

– Нет нужды напоминать мне об этом.

Давно, казалось, забытые угрызения совести вспыхнули с новой силой.

– Разумеется, нет. Прошу прощения.

– Потом, – медленно протянула она, – ты говорил мне, что слышал о другом человеке, который, подобно Закери, сделал убийство своей профессией и пользовался тем же ужасным знаком как собственной визитной карточкой.

– Успокойся, Аспазия.

– Ты еще сказал, что его так и не поймали и что доказательств его преступлений вообще не нашлось, хотя бы потому, что жертва на первый взгляд всегда погибала случайно или от естественных причин.

– Аспазия...

– Может, он все еще где-то здесь, Тобиас. Может...

– Слушай меня внимательно, – перебил он тоном, мигом заставившим ее замолчать. – Тот, настоящий, Мemento Мори, даже если до сих пор и жив, уже слишком стар. Слухи о нем ходили несколько десятилетий назад. Кретенберн и кое-кто из его приятелей слышали их, когда сами были совсем молоды.

– Это я знаю.

– И они в конце концов пришли к заключению, что история профессионального наемного убийцы была всего лишь мрачной легендой, питаемой сплетнями слуг, которые любили поболтать в кабачках и стращать друг друга. Закери, вне всякого сомнения, получал огромное удовольствие, воскрешая старые сказки, потому что обожал мелодраму. Ты знаешь, как он любил всякие волнующие истории.

– Да, разумеется. – И хотя в комнате было тепло, Аспазия нервно потерла руки, словно от озноба. – Ты прав, он упивался всяческими драмами и ужасами, был привержен к ним, как некоторые – к опиуму. Просто не мог без них жить, – кивнула она и, поколебавшись, добавила: – Да, он действительно любил воскрешать эту легенду о Мemento Мори. Похоже, что теперь у кого-то еще появился вкус к мелодраме.

– Возможно.

– Тобиас, я не могу не признаться, что очень боюсь.

– Очевидно, кто-то еще узнал о Закери Элланде и его связи с тобой.

Тоби снова взглянул на крохотный череп в золотом гробике.

– Уверена, что записки не было?

– Совершенно, – кивнула Аспазия, угрюмо взирая на кольцо. – Он оставил эту мертвую голову на моем пороге, чтобы запугать меня.

– Но зачем ему это надо?

– Не знаю. – Аспазию даже передернуло от страха. – Я весь день думала об этом. Вернее, не думала ни о чем другом. – Она прикусила губу и покачала головой: – Что, если... что, если тот, кто оставил это кольцо, винит меня в смерти Закери и в приступе безумия ищет мести?

– Закери покончил с собой, когда понял, что я собираюсь притянуть его к суду за убийство. Ты не имеешь никакого отношения к его смерти.

– А может, тот, кто оставил кольцо, не знал об этом.

– Вероятно.

Нет, все же что-то здесь не то...

Тобиас снова поднес череп к свету. Мертвая голова уставилась на него пустыми глазницами, дразня зловещей улыбкой.

– Мы также должны учитывать ту возможность, что это нечто вроде объявления.

– Ты о чем?

Тобиас взвесил кольцо на руке.

– Ты способна оценить всю важность этого кольца, потому что ты одна из немногих, кто знал, что Закери Элланд выступал в обличье Мemento Мори и пользовался этими кольцами как своим отличительным знаком. А что, если какой-то злодей избрал способ объявить нам о своих планах занять место Закери?

– Хочешь сказать, что еще один убийца намеревается подражать Мemento Мори? Что за ужасная мысль! – ахнула Аспазия, но тут же осеклась и схватилась за голову. – Даже если это правда, куда логичнее оставить свою визитную карточку тебе, а не мне. Именно ты выследил Закери.

– Если мои предположения верны, по возвращении в город меня ждет кольцо, – спокойно возразил он. – На рассвете я уезжаю и постараюсь все выяснить. Может, он сначала доставил кольцо тебе, а меня просто не застал?

Аспазия круто развернулась и заломила руки.

– Тобиас, тот, кто оставил это кольцо, замыслил недоброе. Если ты прав и это визитная карточка, мы имеем дело с новым Мemento Мори. Ты должен найти его, пока не произошло очередного убийства.

Глава 2

Едва добравшись до подножия темной лестницы, Лавиния услышала, как где-то хлопнула дверь. Посреди коридора возник луч света. Какой-то джентльмен на цыпочках вышел из спальни и двинулся к ней.

Похоже, здесь никто не спит. Уже не впервые за последние несколько минут ей приходилось срочно прятаться в шкафу или опрометью бросаться за угол. Сегодня в коридорах замка Бомон так же оживленно, как на мостовых Лондона в разгар дня. Все передвижения между спальнями были бы довольно забавны, если бы не тот факт, что она тоже пытается пробраться на тайное рандеву.

Лавиния в который раз напомнила себе, что сама виновата во всем. Тобиас предлагал навестить ее в спальне, после того как все улягутся. И план был бы превосходным, останься она в просторной уютной комнате, которую ей отвели, когда они с Тобиасом прибыли в замок. Но позже по неизвестным причинам ее перевели в очень непрезентабельное помещение. При одном взгляде на узкую кровать она сразу поняла, как здесь будет тесно двоим, особенно если природа наградила одного чрезвычайно широкими плечами. Поэтому и сообщила Тобиасу, что лучше придет в его комнату, не сообразив, что это будет почти невозможно сделать, не привлекая внимания.

Лавиния прекрасно понимала, что большинство гостей ничуть не беспокоило, что их застигнут во время путешествия в другую спальню. Подразумевалось, что при таких встречах гости просто не пожелают узнать друг друга. Так уж полагалось вести себя членам высшего общества, особенно тем, кто вращался в самых высоких кругах.

Но Лавинии казалось, что для их предприятия вряд ли будет полезно, если дама, ведущая частные и крайне секретные расследования, сама поведет себя весьма нескромным образом. Всегда необходимо учитывать возможность того, что кто-то из светских леди и джентльменов, приглашенных на этой неделе в замок Бомон, может оказаться в числе будущих клиентов.

Вдруг ее осенило. Она же догадалась захватить с собой серебряную полумаску, меч и щит – атрибуты костюма Минервы, который носила сегодня на балу.

Подняв маску, чтобы скрыть лицо, она ступила в глубокое озеро темноты под лестницей.

Джентльмен со свечой не заметил ее, поскольку слишком стремился достичь своей цели. Но когда стал подниматься, она услышала грохот, сопровождаемый приглушенным стоном:

– Кровь Христова! – Он остановился и, нагнувшись, осторожно пощупал ногу. Потом, пробормотав еще пару ругательств, похромал по ступенькам.

Лавиния, подождав, пока он не исчезнет из виду, потихоньку вышла из своего укрытия.

– Проклятие, – прошептала она себе под нос. При такой скорости она никогда не доберется до спальни Тобиаса.

В тусклом свете настенного канделябра Лавиния увидела, как из спальни появились две неясные фигуры. Женщина издала глубокий горловой смешок.

– Пойдемте со мной, сэр, клянусь, вы не пожалеете.

Очевидно, это одна из горничных. Значит, не только гости участвуют в этой ночной вакханалии.

Усилием воли подавив раздражение, она снова прикрыла лицо маской и скользнула в тень под лестницей.

– Не пойму, почему бы нам не позабавиться прямо в спальне, – возразил джентльмен, едва ворочая языком. – И постелька уже нагрета.

– Я скорее согрею вас, сэр, насчет этого уж не беспокойтесь.

Мужчина хрипло усмехнулся.

– Тогда пойдем. Где твоя спальня?

– О, туда нельзя. Там кроме меня еще три горничных: народу так много, что комнат на всех не хватает. Лучше выйдем на крышу. На воздухе немного прохладно, но я постелила теплые одеяла.

– Проклятие! Хочешь сказать, что я должен взбираться на крышу чертова замка, только чтобы позабавиться с девчонкой?

– Оно того стоит, сэ. У меня есть кое-что. Один особый инструмент. Останетесь довольны. Такой приятный джентльмен ни в чем не будет знать отказа.

– Кое-что, говоришь? – Даже сквозь хмельной туман прорывались возбуждение и предвкушение галантной забавы. – И что же именно? Сам я весьма пристрастен к кнуту.

Горничная прошептала что-то такое, что Лавиния не расслышала.

– Ну и ну, – очевидно, сгорая от похоти, промямлил мужчина. – Звучит неплохо. Жду не дожусь, чтобы посмотреть!

– Скоро, сэ. – Горничная повела его к лестнице. – Как только мы выберемся на крышу.

Парочка проследовала наверх. Лавиния успела увидеть дородного джентльмена лет шестидесяти, одетого в бархатный фрак цвета сливы и старомодные панталоны. На шее красовался затейливо завязанный галстук. Неяркий свет отразился в довольно большой лысине. Горничная была одета так же, как и вся остальная женская прислуга в замке Бомон: простое темное платье и передник. Лицо почти скрывала широкая оборка большого неуклюжего чепца.

Джентльмен поставил ногу на нижнюю ступеньку, но тут же споткнулся и фыркнул:

– Ничего не скажешь, виски у Бомонов превосходное, так и сбивает с ног. Дай-ка я еще раз попробую.

– Нет, не эта лестница, милорд, – прошипела горничная, дергая его за рукав. – Меня непременно выгонят, если дворецкий или экономка увидят нас вместе.

– О, так и быть...

Лысый джентльмен послушно последовал за ней по коридору. Горничная подняла юбки, открыв грубые башмаки и полосатые чулки. Из-под оборки чепца выбивались густые золотистые локоны. Она протащила своего спутника под очередным канделябром, и оба исчезли за углом, в следующем коридоре.

Радуюсь, что снова оказалась одна, Лавиния поспешно взлетела по лестнице и побежала к спальне Тоби. Похоже, ей понадобится стаканчик шерри, чтобы успокоить расхолодившиеся нервы.

Из-под двери Тоби пробивалась полоска света. Лавиния подняла руку, но поколебалась: в соседней комнате могут услышать стук и выглянуть.

Лавиния перехватила одной рукой меч, щит и маску и попробовала повернуть ручку. Оказалось, что дверь не заперта. Она осторожно огляделась, желая убедиться, что никто за ней не наблюдает, переступила порог... и оцепенела при виде обнимавшейся у камина парочки. Мужчина стоял к ней спиной. Он уже успел снять фрак, галстук и расстегнуть воротничок. Было что-то очень знакомое в развороте его широких плеч. Она не видела его лица, потому что голова была низко наклонена к женщине с длинными темными волосами, обнимавшей его за шею.

– Прошу прощения, – пробормотала Лавиния, сгорая от стыда и отступая в коридор. – Ошиблась дверью. Ужасно сожалею, что потревожила вас.

– Лавиния?

Голос Тоби ударил ее словно кнутом. Неудивительно, что он показался ей знакомым!

Лавиния круто развернулась, к своему унижению, сознавая, что растерянно, как деревенская дурочка, раскрыла рот.

– Тобиас?!

– Черт побери!

Одним ловким движением он расцепил руки женщины.

– Заходи и закрой за собой дверь. Я хочу познакомить тебя кое с кем.

– О господи! – Женщина отступила от Тоби, продолжая с холодной усмешкой рассматривать Лавинию. – Похоже, мы шокировали бедняжку Минерву.

Чувствуя себя словно околдованной чарами злого волшебника, Лавиния механически повернулась и осторожно прикрыла дверь. Тобиас с самым зловещим видом, мрачно хмурясь, подошел к маленькому столику и взял графин из резного стекла.

– Лавиния, позволь познакомить тебя с миссис Грей, – буркнул он, наливая себе бренди. – Она пришла повидать меня по очень важному делу. Я бы сказал, по делу, связанному с нашей профессией. Аспазия, это... э-э... моя помощница, миссис Лейк.

Лавиния мгновенно распознала этот бесстрастный, жесткий тон. Что-то очень неладное творится в этой комнате.

– Полагаю, вы одна из клиенток Тобиаса, миссис Грей? – осведомилась она.

– Вернее, стала ею совсем недавно, – ответила та, награждая Тобиаса непроницаемым взглядом. – Но прошу вас называть меня просто Аспазией.

Лавиния с первого взгляда поняла, что эта женщина очень уверена в себе и своем месте в жизни Тоби. Они давным-давно связаны друг с другом. И эти отношения полностью исключают присутствие кого-то третьего...

– Понимаю, – прошептала она, едва сдерживая озноб. Она повернулась к Тобиасу, стараясь говорить так же спокойно, как он: – Вам понадобится моя помощь в этом деле?

– Нет, – коротко ответил Тобиас, глотнув бренди. – Я сам проведу расследование.

Это оказалось последним ударом. Возможно, она слишком размечталась. После успешного завершения дела безумного месмериста две недели назад она все больше привыкала думать о себе как о полноправном партнере Тобиаса. Но дела обстояли немного по-иному, и ей не следовало об этом забывать.

Говоря по правде, их деловые отношения мало чем отличались от личных. Они иногда работали вместе, так же как иногда занимались любовью. Но у каждого были своя карьера, свой дом и своя личная жизнь.

Однако Тобиас не задумался принять ее помощь в двух последних делах, и для нее оказалось весьма неприятным сюрпризом то открытие, что он вовсе не собирался делиться с ней подробностями третьего.

– Прекрасно.

Она выпрямилась, растянула губы в гримасе, которая, как сама надеялась, вполне могла сойти за учтивую улыбку деловой дамы, и открыла дверь.

– В таком случае пожелаю вам спокойной ночи и предоставлю поскорее вернуться к своим... более приятным занятиям.

Губы Тобиаса сжались: верный признак того, что он рассержен. Что ж, вполне справедливо. Ее собственное настроение в этот момент трудно назвать радужным.

Сильные пальцы Тоби стиснули горлышко графина. На секунду ей показалось, что он передумает и попросит ее остаться. Но оказалось, что она ошиблась. Он даже не пошевелился.

Гнев вытеснил нанесенную им обиду. Да что это с ним? Всякому ясно, что он нуждается в ее помощи!

– Я приду к вам позже, – отчетливо выговорил он, – как только мы с Аспазией обо всем поговорим.

Он практически приказал ей убраться к себе и ждать, пока ему будет угодно удостоить ее своим посещением!

Ярость вспыхнула в ней лесным пожаром. Он в самом деле воображает, что после всего, что здесь было, она откроет ему дверь этой ночью?

– Не стоит беспокоиться, сэр. – Она была ужасно довольна, что ни разу не потеряла самообладания. – Уже поздно, а нам пришлось много часов просидеть в карете, не говоря уже

о самых разнообразных развлечениях сегодня вечером. Уверена, что вы будете совершенно измучены после того, как закончите свою дискуссию с миссис Грей. Я ни за что не позволю вам тратить столько бесполезных усилий, преодолевая эту невероятно длинную и крутую лестницу. Увидимся за завтраком.

Ледяные, будто затянутые туманом глаза Тобиаса опасно блеснули.

Значит, ей удалось вывести его из себя!

Радуюсь, что произвела достойное впечатление на противника, Лавиния вышла в коридор и хлопнула дверью гораздо громче, чем следовало бы.

На полпути вниз она решила, что Аспазия Грей крайне неприятная особа.

Глава 3

Он снова споткнулся на одной из высоких, узких ступенек и, потеряв равновесие, скорее всего скатился бы вниз, если бы горничная не держала его так крепко под руку. Все же опасность была так близка, что его передернуло от страха: слишком высоко они успели забраться и падение означало верную гибель.

– Осторожнее, милорд, – предупредила девушка. – Не хотим же мы, чтобы несчастье случилось еще до того, как мы доберемся наверх, правда ведь? Идемте же!

– Да погоди же! Здесь чертовски темно!

Наверное, ему следовало отказаться от двух последних стаканчиков бренди, которые она буквально силой влила в него перед уходом из спальни. Голова кружилась, а желудок, казалось, переворачивался. Еще немного – и его стошнит.

– Нужно было идти по главной лестнице.

– Говорила же вам, сэр, хозяин не любит, когда обслуга развлекает гостей в спальнях.

– Бомон всегда был слишком чопорным и вечно кичился своей добродетелью, когда речь шла о подобных вещах, – проворчал он, но тут же подумал, что девица-то, оказывается, сильная. Сильнее, чем кажется на вид. Сумела же она держать свечу одной рукой, а другой поддерживать его под локоть! Впрочем, хорошая горничная и должна быть крепкой и выносливой. Недаром им полагается таскать тяжело нагруженные подносы с завтраком да полные ночные горшки и охапки грязного белья вверх и вниз по длинным крутым лестницам вроде этой, не говоря уже об уборке, чистке и мытье. Волей-неволей приходится быть стойкой и терпеливой. Но именно такие девицы ему нравились. Поэтому он и предпочитал постельные забавы с простолудинками, не гнушавшимися тяжелым трудом. Это вам не бордельные шлюхи, слабые и апатичные от неумеренного потребления джина и макового молока.

Он сказал себе, что долгий подъем оправдает себя, когда они достигнут цели, и поэтому упрямо вскарабкался на несколько ступенек.

– Сколько еще? – пробормотал он. Сердце колотилось так сильно, что он удивлялся, как это она его не слышит.

– Почти пришли.

Очередная ступенька, казалось, расплылась в неприятно желтом свете свечи. Ему пришлось сделать невероятное усилие, прежде чем удалось поставить на нее ногу, и все равно он едва не промахнулся. Горничная стиснула его локоть и подтолкнула вперед:

– Скорее, сэр.

Наконец он очутился на площадке. Воздух со свистом вырывался из легких. Горничная остановилась перед дверью. Он был благодарен за минутный отдых, потому что больше не мог скрывать, что задыхается и потеет как свинья.

«Нужно было оставить фрак и галстук в спальне. А, ладно, я скоро все равно буду раздеваться».

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр? Выглядите несколько нездоровым, словно у вас жар. Может, чересчур много выпили вечером, хм?.. Надеюсь, сможете продержаться достаточно, чтобы хорошенько покувыркаться на одеялах, перед тем как заснете. Страшно подумать, что мы тащились сюда понапрасну.

Ему вдруг показалось, что она каким-то образом переменялась. Во всяком случае, речь как-то не соответствовала ее низкому положению. И обороты сложные, как у человека образованного, куда более высокой культуры. Сейчас она совсем не походила на горничную.

Он хотел спросить ее, в чем дело, но язык будто распух и едва ворочался во рту. Головокружение усиливалось. Вид ночного неба вселял в него ужас.

– Не волнуйтесь, милорд, бренди действует именно таким образом, особенно когда подольешь в него каплю-другую опия.

– При чем тут опий?

– Не важно, главное, я знаю, что приведет вас в чувство, – заверила горничная, открывая дверь. – Свежий ночной воздух.

– Н-нет, – промычал он, качая головой, когда она потащила его на крышу. – Я плохо себя чувствую. Вернись-ка, пожалуй, к себе.

– Вздор, милорд. Вам нужно побольше двигаться. Я слышала, что вы помолвлены с молодой дамой и через несколько месяцев свадьба. Она молода, здорова и вправе ожидать пылкого, страстного любовника в свою первую брачную ночь.

Он тупо уставился на нее мутными глазами:

– Откуда... откуда ты знаешь, что я помолвлен?

– Молва, сэр, не стоит на месте.

Но даже прохладный ночной воздух не прояснил голову. Полная луна отчего-то непрерывно описывала круги в темном небе. Он закрыл глаза, но от этого стало еще хуже.

– Ну вот, теперь и до вашего несчастного случая немного осталось, сэр, – жизнерадостно объявила горничная.

Панический ужас охватил его. Кое-как удалось приоткрыть глаза.

– М-моего... что?

– Будьте уверены, что я не питаю к вам никакой вражды. Ничего личного, сэр. Вопрос бизнеса, сэр.

Глава 4

Лавиния решила, что ее прощальная фраза, обращенная к Тобиасу, вышла не особенно умной или оригинальной. И хотя она достаточно ясно изложила свою точку зрения, все же, пока добралась до своей спальни, успела пожалеть о собственной прямоте.

Этот этаж замка Бомон был, очевидно, отведен для менее значительных гостей, таких как Лавиния, стайки компаньонов, камердинеров и камеристок. Одна чрезвычайно знатная особа, леди Оукс, привезла с собой личного парикмахера, которому отвели комнату чуть дальше по коридору.

Лавиния вошла в тесную каморку и зажгла свечу на туалетном столике. Свет отразился в поцарапанном зеркале, отбросил слабые отблески на скудную обстановку.

Лавиния сильно подозревала, что здесь когда-то обитала горничная или очень бедная родственница. Почти все пространство занимала узкая кровать. У противоположной стены стоял небольшой шкаф. Тазик и кувшин на умывальнике были до неприличия выщерблены.

Она подошла к окну и подняла раму. Для конца июня ночь была прохладная. Но не холодная. Она вполне обойдется без камина.

Лунное сияние струилось с небес, освещая сад и молчаливые газоны. Тишина казалась оглушительной по контрасту со знакомым гамом и шумом никогда не засыпающих лондонских улиц. Все это глубокое, непривычное спокойствие, вне всякого сомнения, помешает ей уснуть.

Лавиния оперлась о подоконник и погрузилась в размышления. Не имеет никакого смысла отрицать, что она неверно повела себя в спальне Тобиаса. Что это ей взбрело в голову? Ничего не скажешь, она имела полное право вспылить, но только себе хуже сделала, потому что лишилась возможности узнать, что на самом деле происходит между этими двумя. Придется терпеть до завтрака, а этого ей не выдержать. Она просто лопнет от любопытства.

Лавиния задумчиво постукивала пальцами по подоконнику, гадая, что теперь делать.

Придется снова повторить путешествие в спальню Тоби. Она не уснет спокойно, пока не получит ответы на свои вопросы.

Кроме того, ей совершенно безразлично, что Тобиас провел достаточно много времени наедине с Аспазией Грей.

Сколько же ей подождать, прежде чем вернуться к нему? Двадцать минут? Остается лишь надеяться, что она не столкнется с теми людьми, встречи с которыми сумела избежать в первый раз.

Вот тебе и пикантные забавы домашнего приема! Она с самого начала сомневалась, но Джоан Дав заверила, что ей ужасно понравится проводить время подобным образом.

Да, придется терпеть скучные игры и разговоры и даже примириться с возможностью встретить отвратительных, мерзких людишек, но оно того стоит. Весь смысл таких приемов состоит в том, что никому нет дела, куда вы идете, после того как погасят на ночь свечи.

Похоже, Джоан не предвидела сложностей в лице Аспазии Грей.

И тут неожиданная мысль как громом поразила Лавинию, поспав по спине мурашки озноба. Как она поступит, обнаружив, что женщина и не думала уходить из спальни Тобиаса?

Она попыталась уверить себя, что нисколько не ревнует. Вечером Тобиас был в исключительно хорошем расположении духа. Разговор между ним и новой клиенткой наверняка был достаточно серьезным, чтобы привести его в состояние ледяного оцепенения, которое, как она знала, ничего хорошего не предвещало. И ее беспокоил вовсе не зловещий вид и уничтожающий взгляд. В конце концов, он представлял угрозу только для тех, кто замыслил недоброе. Беда в том, что в таком настроении он был склонен рисковать.

Из полузабытья ее вывел тихий стук. Лавиния повернулась, вскочила и распахнула дверь. В полутемном коридоре стоял Тобиас, выглядевший еще более опасным, чем полчаса назад.

Он не потрудился надеть фрак или галстук. Мало того, даже не застегнул воротничок белой сорочки, так что она видела темную курчавую поросль волос на груди.

– Вот это сюрприз, сэр!

Он оглядел коридор, желая, по-видимому, убедиться, что поблизости никого нет, и переступил порог.

– Сделай мне одолжение, – пробормотал он, захлопнув дверь, – если впредь я когда-нибудь снова предложу принять приглашение на прием в загородном доме, пожалуйста, посоветуй мне выйти и встать под дождь, пока не пройдет приступ.

– Как странно, что говоришь это именно ты! Я думала о том же! – усмехнулась Лавиния, занимая прежнее место у окна. – Кто она, Тобиас?

– Я уже говорил, – тихо напомнил он. – Аспазия Грей. Старая знакомая.

– Насколько я поняла, вы когда-то были достаточно близки.

– Я сказал «знакомая», не «любовница», – буркнул Тобиас, подходя к ней. – Ад и проклятие! Надеюсь, ты не нашла ничего особенного в том, что она обнимала меня именно в тот момент, когда ты появилась в комнате?

– Ну... по правде говоря...

– Я вполне могу объяснить истинный смысл этой достаточно неприятной сцены. Аспазия просто благодарила меня за согласие провести кое-какие расследования. Я не оттолкнул ее только из-за боязни показаться грубым.

– Понимаю.

– Проклятие, Лавиния, она застала меня врасплох! Я слышал, как ты открыла дверь, и не успел оглянуться, как она бросилась мне на шею.

– Угу...

– Что с тобой?

Он взял ее за плечо и осторожно развернул лицом к себе.

– Неужели ты хотя бы на миг подумала, что я всерьез обнимал Аспазию? Я люблю тебя. Ты это знаешь. Кажется, мы договорились доверять друг другу.

Напряжение вмиг отпустило ее, словно разжались сжимавшие сердце клещи. Она коснулась его щеки.

– Да, я все знаю. И тоже люблю. И безгранично тебе верю, Тобиас.

Он шумно выдохнул и как будто сразу обмяк.

– Слава богу. Ты заставила меня поволноваться.

Лавиния вскинула брови:

– Однако я не знаю миссис Грей и не вижу особых причин доверять ей.

Тобиас пожал плечами:

– Аспазия не должна тебя беспокоить.

– Да? А я почему-то беспокоюсь, и сильно. И поверь, даже любовь и доверие не означают, что мне так уж нравится видеть тебя в одной сорочке и в объятиях посторонней женщины.

Тобиас широко улыбнулся:

– Ты достаточно ясно выразилась, дорогая.

– И я не потерплю частого повторения подобных сцен, ясно?

Тобиас обвел указательным пальцем изображение богини Минервы, украшавшее серебряный медальон на шее Лавинии.

– Ты единственная женщина, в чьих объятиях я жажду пребывать.

Она не успела опомниться... только увидела отражение огонька свечи в его глазах, прежде чем он поцеловал ее, жадным, настойчивым, властным поцелуем, зажегшим в ней ответное пламя и одновременно заставившим гадать об истинной природе его разговора с новой клиенткой.

Она уже была знакома с этим ненасытным желанием, горевшим в Тобиасе, и встречалась с ним достаточно часто, чтобы сразу распознать. Источник его темных страстей крылся в колодце непроглядного мрака, спрятанном глубоко в душе. Источник этот в обычные времена был наглухо перекрыт. Но не сегодня. Сегодня Тобиас задыхался в водовороте страсти. И Лавиния подозревала, что это дело рук Аспазии Грей.

– Тобиас...

Он рывком прижал ее к себе, одной рукой обхватив шею, а другой обнимая за талию.

– Когда ты запретила мне приходить сегодня, я почувствовал такую боль, словно ты вонзила мне прямо в сердце копьё.

– Я не хотела, – прошептала она, уткнувшись в его плечо. – И сейчас только выжидала подходящего момента, чтобы вернуться к тебе.

– Ты имела полное право сердиться.

Он осыпал поцелуями ее губы, щеки и горло.

– Но клянусь, у тебя нет причин.

– Она сделала это нарочно, верно? Услышала стук двери и поскорее обняла тебя, чтобы я увидела вас двоих вместе.

– Нет, я уверен, что она хотела всего лишь выразить свою благодарность, ведь я действительно согласился ей помочь. Ты просто появилась в неподходящий момент.

– Чепуха.

– Дьявол побери, да забудь ты все, что увидела! Мне совершенно безразлична Аспазия! – Он подхватил ее на руки и устремился вперед. – Ты единственная, кто мне нужен, и все, чего мне хочется, – вечно держать тебя в объятиях.

– Тобиас, кровать...

– Я уже почти рядом с кроватью.

– Но она слишком узка для двоих.

– Ах, мадам, мы привыкли довольствоваться малым, и бывало, что обходились даже сиденьем экипажа. Уверен, что нам хватит и этой кровати.

Он осторожно уложил Лавинию на узкую кровать, а сам лег сверху, вдавив ее в тощий тюфяк. Юбки дорогого нового платья, приобретенного специально для поездки, наверняка изомнутся, но сейчас это беспокоило ее меньше всего.

Тобиас сдвинул вниз лиф ее платья и снова стал целовать, пока не загорелась кожа. Она обхватила его лицо ладонями и стала отвечать на ласки со страстью, поразившей ее самое. До встречи с Тобиасом она и не подозревала, что способна на такие чувства. Даже в те моменты, когда он был во власти мрачных сил, она самозабвенно отдавалась ему. Нет... все не так. Она испытывала неодолимую потребность отдаваться ему, особенно в такие моменты.

В редких случаях, когда он открывал тропинку к глубочайшему колодцу полуночной тьмы в своей душе, Лавинии выпадала возможность узреть ту грань его истинной природы, которую он никому не позволял узнать. Она слишком хорошо сознавала эту могучую, примитивную силу, вызывавшую к противоположной, но такой же мощной грани ее собственного существа.

За последние несколько недель она постепенно смирилась с тем, что связана с Тобиасом на каком-то высшем, метафизическом уровне, до сих пор не совсем ей понятном. Возможно, она никогда не проникнет до конца в природу этой связи, но отрицать ее больше не смеет.

Как не смеет заговорить об этом с Тобиасом: он слишком пренебрежительно относился к метафизике и вряд ли одобрительно отнесется к ее речам.

Но иногда, когда он погружался в нее, прижимая к себе так, будто никогда больше не собирался отпустить, даже на смертном одре, она задавалась вопросом, уж не чувствует ли и он этой близости.

Тобиас поднял ее юбки грубым, нетерпеливым движением и проник между ее бедрами. Лавиния остро ощущала пульсировавший в нем голод, потому что сама испытывала то же

самое. Она поспешно распахнула его сорочку и прижала ладони к широкой груди, наслаждаясь ощущениями.

Тобиас нежно гладил ее, пока не отыскал восхитительно горячий бугорок и стал перекачивать его между пальцами. Лавиния смутно слышала собственный голос, шепчущий слова, которые в обычное время шокировали бы ее, слова, которые она никогда не произнесла бы в приличном обществе, слова, о которых, как была уверена до встречи с Тобиасом, она понятия не имела.

Его палец проник чуть глубже.

– Тобиас! – ахнула она, сжимая внутренние мышцы и надавливая на его ладонь.

Он принялся расстегивать брюки.

Душераздирающий вопль прорезал тишину летней ночи и взбудоражил мирно спящий замок. Лавиния съежилась и распахнула глаза, как раз вовремя, чтобы увидеть черную тень, пролетающую мимо окна.

– Какого дьявола?!

Тобиас скатился с постели и вскочил, но крик уже оборвался, сменившись страшным молчанием.

– Господи милостивый, что это было? – пробормотала Лавиния, вставая. – Какая-то ночная птица? Огромная летучая мышь?

Тобиас двумя прыжками оказался у окна и, перегнувшись через подоконник, всматривался в темноту.

– Боже мой! – прошептал он.

Где-то рядом ночь потревожил еще один крик, на этот раз женский. Лавиния тоже высунулась из окна и посмотрела влево, пытаясь определить источник второго вопля.

На каменном балконе стояла обитательница соседней комнаты в халате и чепце и завороченно смотрела в сад.

Лавиния скрепя сердце последовала ее примеру. На траве, словно сломанная механическая кукла, лежал человек в строгом вечернем костюме. Ужас оледенил Лавинию. Так вот что пролетело мимо ее окна.

– Он, должно быть, упал с крыши, – прошептала она.

– Да, только что он там делал? Вряд ли он принадлежит к челяди этого замка.

Лавиния снова пригляделась и увидела лысину, поблескивавшую в лунном свете.

– О нет. Разумеется, нет.

То там, то тут открывались окна и раздавались испуганные восклицания. Внизу появился лакей с фонарем в руке и крайне неохотно направился к мертвецу.

– Пойду присмотрю, чтобы все было сделано как надо, – объявил Тобиас, отворачиваясь от окна. – Подожди здесь.

– Нет, я иду с тобой.

– Ни к чему, – мягко возразил он. – Все это чрезвычайно неприятно.

Лавиния сглотнула горький комок.

– Я ни в чем не могу быть уверена, пока не посмотрю ближе, но, боюсь, у меня действительно может оказаться причина сопровождать тебя.

Тобиас замер у двери и, хмурясь, оглянулся.

– А в чем дело?

– Возможно, я одна из последних, кто видел его живым. – Она поправила лиф платья и проверила, все ли шпильки на месте. – Если не считать горничной, разумеется.

– О чем ты, черт возьми? – буркнул Тобиас, открывая дверь и выходя в коридор. – Ты знаешь этого человека?

– Не совсем.

Она вышла вслед за ним и остановилась, чтобы прикрыть дверь.

– Нас никто не знакомил, но я недавно видела его, когда пробиралась к тебе в спальню. Вернее, я пряталась под лестницей, когда он прошел мимо в компании одной из горничных.

Это явно заинтересовало Тобиаса.

– Он шел со служанкой?

– Да. У меня сложилось впечатление, что они отправились на крышу, дабы заняться тем, что джентльмен охарактеризовал как «забавы». Горничной, похоже, эта идея нравилась. Он, вне всякого сомнения, пообещал ей деньги. Кстати, интересно, знает ли леди Бомон, что творится у нее под носом?

– Подозреваю, что весь замок сегодня увлекся подобными забавами.

Они добрались до верхней площадки лестницы и стали спускаться. Лавиния услышала, как позади, в коридоре, хлопают двери. Обескураженные, сгорающие от любопытства люди выходили из комнат и спрашивали друг друга, что стряслось.

– Странно, как же это он упал с крыши, – протянул Тобиас.

– Роковая случайность. Когда я видела его, он был так пьян, что едва на ногах держался.

На нижнем этаже тоже начали открываться двери комнат, откуда появлялись одетые и полураздетые люди. Некоторые присоединились к Тобиасу и Лавинии, остальные предпочли остаться в коридоре и обмениваться комментариями с соседями.

Откуда-то выбежал лорд Бомон, пухленький лысый коротышка, в брюках, комнатных туфлях и шелковом халате. При виде Тобиаса он резко остановился и, сменив курс, направился к нему.

– Марч! Спасибо за то, что спустились. Вейл говорил, что вы незаменимы в трудную минуту! – воскликнул он и, только сейчас заметив Лавинию, кивнул: – Миссис Лейк! Вам совершенно ни к чему подвергать себя подобному испытанию! Пожалуйста, идите к себе.

Она принялась было объяснять, почему сопровождает Тобиаса, но тот ее перебил.

– Кто это? – тихо спросил он.

Бомон, морщась, оглядел собравшуюся вокруг труппы толпу.

– Лакей, который пришел за мной, сказал, что это лорд Фуллертон.

– Вы послали за доктором?

– Что? Нет. Все случилось так быстро! Я даже не подумал... – Бомон осекся и с видимым усилием постарался взять себя в руки. – Да, конечно. Доктор. Он знает, что делать с телом. Разумеется. Нельзя оставлять его в саду. Да-да, я немедленно велю его позвать. Превосходная идея, Марч.

Явно обрадованный тем, что наконец видит перед собой цель, Бомон обернулся и отчаянно замахал лакею.

– Я хочу взглянуть поближе, – прошептал Тобиас Лавинии. – Уверена, что выдержишь все это?

– Да.

Они подошли туда, где на влажной от росы траве лежал Фуллертон. Лавиния ничуть не удивилась, когда собравшиеся расступились, пропуская Тобиаса. Он часто производил такое воздействие на окружающих.

Тощий человек, стоявший на коленях подле мертвеца, раскачивался из стороны в сторону, стиснув руки и громко стонал.

– Несчастье... что же мне теперь делать... такое несчастье... – твердил он.

– С тобой все в порядке? – спросил Тобиас, глядя на Лавинию.

– Да.

Она не впервые видела жертву насильственной смерти, но знала, что никогда не привыкнет к этому зрелищу. В этом случае обошлось без крови, но при виде шеи Фуллертона, повернутой под неестественным углом, тошнота подкатила к горлу Лавинии, и на какое-то ужасное мгновение показалось, что ее сейчас вырвет.

Но она вынудила себя сосредоточиться на деталях и немедленно узнала лысую голову, фрак цвета сливы и искусно завязанный галстук. Это именно тот человек, который шел по коридору под руку с блондинкой горничной!

– Ну? – подстегнул Тобиас.

– Да, это его я заметила чуть раньше, – кивнула Лавиния.

Тощий человек продолжал раскачиваться и стонать:

– Несчастье... какое несчастье... что же мне делать?

– Странно, – буркнул Тобиас, изучая труп. – Он полностью одет.

– Прости. Не поняла.

– Ты сама сказала, что они с горничной намеревались позабавиться на крыше, но он по-прежнему одет. Брюки и рубашка застегнуты. Галстук не развязан.

– О да, вижу, что ты имеешь в виду. – Лавиния ненадолго задумалась. – Может, они... э... не успели осуществить свои планы до того, как он упал?

Тобиас качнул головой, в твердой уверенности, что знает, о чем говорит.

– Они пробыли там некоторое время. Вполне достаточное, чтобы он расстегнул брюки.

Лавиния поспешно вскинула голову:

– Ты полагаешь?

– Я еще не совсем убежден. – Тобиас повысил голос и обратился к ноющему незнакомцу: – Кто вы?

Тощий человечек ошеломленно уставился на него.

– Бернс, сэр. Камердинер его милости. То есть был камердинером. Превосходная должность, доложу я вам. Завидная. Мы только что заказали несколько новых фраков и халат. Его милость собирался жениться, видите ли, и хотел предстать перед новобрачной в самом модном виде. Что же теперь станет со всем чудесным гардеробом?!

– Упакуете его и отправите родственникам, разумеется, – подсказала Лавиния.

– О нет, мадам. Я не сделаю ничего подобного. – Бернс кое-как встал и поспешно отступил. – Теперь некому мне платить. Придется искать новую работу.

– Когда вы в последний раз видели его милость? – осведомился Тобиас.

– Сегодня вечером, когда он отправлялся на костюмированный бал. Я позаботился о том, чтобы он выглядел как можно лучше. Он был так доволен узлом своего галстука! Я сам изобрел его и назвал в честь хозяина!

– А потом? Вы его не видели? – допытывался Тобиас.

– Нет. Он велел не ждать его.

– Это необычное приказание?

– Нет, сэр. Его милость любил перед сном позабавиться со сговорчивой девчонкой. И терпеть не мог, когда ему мешали.

– Пойдем, – приказал Тобиас и, сжав руку Лавинии, увел подальше.

– Куда мы? – спросила она.

– Хочу взглянуть на спальню Фуллертон.

– Зачем? Что ты ожидаешь там найти?

– Понятия не имею.

Тобиас остановил не успевшего надеть сюртук дворецкого и спросил, какую комнату отвели лорду Фуллертону. Тот объяснил, как туда пройти. Взволнованный лорд Бомон снова подскочил к Тобиасу:

– Что такое, Марч? Случилось что-нибудь еще?

– Нет, сэр. Я просто хотел осмотреть спальню Фуллертон. Может, будет лучше, если вы тоже пойдете, – повелительно бросил Тобиас, но Бомон, казалось, не заметил, что приказывает человек, стоявший намного ниже на социальной лестнице.

– Да, конечно, – кивнул он и повел их к дому.

Лавиния давно заметила, что, когда Тобиас говорит своим глубоким, звучным, уверенным голосом, люди, как правило, беспрекословно подчиняются. Он обладал необыкновенной способностью брать на себя ответственность и командовать в тот момент, когда остальные пребывали в полной растерянности. Лавиния придавала этому гораздо большее значение, чем сам Тобиас.

Во время их последнего расследования произошел случай, убедивший ее в том, что Тобиас обладает пусть и сырым, необработанным, но все же талантом месмериста. По ее мнению, источник этого таланта крылся именно в колодце мрака, таившемся в душе. Но Лавиния была убеждена, что он и не думает пользоваться своими возможностями. По какой-то непонятной ей причине Тобиас предпочел спрятать эту сторону своей натуры под спудом упрямой логики и железной воли. До встречи с ней он во всеуслышание утверждал, что все месмеристы – шарлатаны и мошенники, обирающие слабых и доверчивых людей.

Узнав, что она тоже занималась месмеризмом, он поначалу иронически отнесся к ее искусству. Правда, позже она почувствовала, что он, хоть и неохотно, все же оценил ее способности, но предпочитает по возможности их игнорировать.

Они вошли в замок и поднялись по главной лестнице. К тому времени как они добрались до верхней площадки, задыхавшийся Бомон остановился и привалился к перилам.

На этом этаже было многолюдно. Одной из любопытных оказалась женщина с блестящими каштановыми волосами, собранными в свободный узел.

Лавиния не узнала ее, пока та не повернулась. Аспазия сняла парик и диадему в виде кобры и переделалась в зеленый шелковый халат, расшитый золотом.

Заметив Тобиаса, она тут же подошла к нему:

– Что происходит? Все твердят, будто Фуллертон упал с крыши и разбился!

– Так оно и есть, – кивнул Тобиас.

Бомон поспешно выхватил платок и, вытирая лоб, разглядывал толпу гостей.

– Несчастный случай. Совершенно ужасный, доложу я вам. Но уверяю вас, все под контролем. Сейчас приедет доктор. Вы все можете вернуться в свои комнаты.

Тонкие брови Аспазии сошлись на переносице. Губы вопросительно приоткрылись. Лавиния заметила, как Тобиас мотнул головой, приказывая ей молчать. Аспазия послушно закрыла рот.

– Прошу извинить нас, – сказал он, – но мы спешим. Лорд Бомон ведет нас в спальню Фуллертона.

Аспазия на миг растерялась, но в ее глазах тут же мелькнула искорка понимания.

– Тобиас, – хрипло прошептала она, – ты думаешь...

– Поговорим позже, – мягко перебил он.

– Да, конечно.

Аспазия грациозно отступила, устремив задумчивый взгляд на Лавинию.

Момент безмолвного общения между ним и Аспазией был совсем коротким, размышляла та, но близость этих двоих очевидна. Аспазия явно считает, будто имеет какие-то права на Тобиаса. А тот, в свою очередь, принимает на себя обязанности по отношению к ней.

За последние несколько месяцев Лавиния уже успела убедиться, что он весьма серьезно относится к своему долгу. Это то малое, что она знала твердо.

Она оглянулась, как раз вовремя, чтобы увидеть Аспазию, исчезающую за дверью спальни. Очень знакомой спальни.

Что ж, по крайней мере одна тайна сегодня открыта. Теперь Лавиния знает, почему ее так поспешно переместили наверх, в эту жалкую каморку в конце коридора. Дворецкий и экономка сговорились отдать ее уютную спальню Аспазии Грей.

– Вот здесь поселился Фуллертон, – объявил Бомон, остановившись у одной из спален.

Тобиас, вошедший первым, высоко поднял свечу, осмотрелся и, шагнув к окну, раздвинул занавеси. Лунный свет, струившийся сквозь окно, добавлял немного яркости слабому освещению.

Лавиния осторожно ступила через порог и огляделась. Спальня была так же велика, как та, что отвели Тобиасу. Широкая кровать под балдахином была приготовлена ко сну. Но подушки и простыни были не смяты: очевидно, никто на ней не лежал. Из-под одеяла высывалась ручка грелки.

– Он спросил, почему они не могут остаться в постели, – прошептала она Тобиасу. – Все твердил, что она уже согрета.

Тобиас, методично открывавший и закрывавший ящики туалетного столика, даже не поднял головы.

– Что он еще сказал?

– Спрашивал горничную, зачем так уж необходимо подниматься на крышу.

Бомон, оставшийся у двери, недовольно поморщился:

– Что там насчет горничной?

– Я видела лорда Фуллертона незадолго до падения, – пояснила Лавиния. – Он был в обществе высокой блондинки в платье и чепце горничной. У меня сложилось отчетливое впечатление, что они собираются неплохо провести время на крыше.

– Вздор! – с искренним негодованием воскликнул Бомон, топорща усы. – Всем в этом доме хорошо известно, что всякие непристойные интимности между челядью и гостями строго запрещены. Леди Бомон не потерпит подобных вещей.

Лавиния остановилась перед тумбочкой, рассматривая россыпь безделушек на полированной деревянной поверхности.

– Но эта горничная, похоже, очень стремилась угодить Фуллертона. Именно она предложила подняться на крышу, вместо того чтобы остаться в спальне.

– Будьте уверены, я прикажу дворецкому разобраться в этой истории, – недоверчиво перебил Бомон. – Высокая блондинка, говорите? Не припомню, чтобы кто-то из горничных подходил к этому описанию. Возможно, это одна из деревенских девушек, нанятых на эту неделю. Когда в доме так много гостей, горничных не хватает.

– Понятно.

Лавиния решила, что в предметах, разбросанных на тумбочке, нет ничего необычного: подсвечник, очки, кольцо...

Она открыла гардероб. Тобиас встал у нее за спиной и поднес поближе свечу. Тут, как и ожидалось, висели дорогие костюмы.

– Я хочу потолковать с блондинкой, – объявил Тобиас, открывая ящики гардероба и небрежно осматривая сложенные белье и носовые платки. – Вы попросите дворецкого найти ее, сэр?

– Если вы считаете это необходимым. – Бомон отступил и нерешительно помялся. – Что беспокоит вас в этой ситуации, Марч?

– Я хотел бы знать, присутствовала ли горничная при падении, – пояснил Тобиас, отворачиваясь от гардероба и подступая к тумбочке. – Может, она сумеет точнее описать, что произошло.

– Хорошо, я немедленно переговорю с Драмом, – кивнул Бомон, исчезая за дверью, явно счастливый тем, что перед ним снова стоит определенная цель и не нужно принимать решения самому.

Лавиния заглянула в сундук. Пусто. Все его содержимое, вероятно, перекочевало в гардероб. Она опустила крышку, взглянула на Тобиаса, который встал на одно колено, чтобы заглянуть под кровать, и заметила, что он сжал зубы, когда переместил вес на левую ногу, но твердо подавила порыв узнать у него, не больно ли ему. Он терпеть не мог постоянные расспросы о

ране, которую получил в Италии несколько месяцев назад. Правда, все давно уже зажило, но Лавиния знала, что рана порой продолжает беспокоить его.

– Что, спрашивается, ты рассчитываешь там отыскать? – осведомилась она.

– Откуда мне знать?

Тобиас закончил осмотр пола, схватился за кроватный столбик и осторожно поднялся на ноги.

– Похоже, здесь все, – буркнул он, нетерпеливо растирая левое бедро. – Теперь на крышу.

– Тобиас, в чем дело? Ты не уверен, что смерть Фуллертона была несчастным случаем?

Сначала ей показалось, что он уклонится от ответа. Но Тобиас пожал плечами:

– Я думаю, что его убили.

– Знаешь, я боялась, что ты придешь именно к такому заключению. Но почему ты так посчитал?

– Это длинная история. – Он направился к двери, захватив с собой свечу. – Такая длинная, что у меня нет сейчас времени ее излагать.

Значит, он снова пытается от нее отделаться. Но спорить сейчас нет смысла.

– Хорошо, но помните, сэр, я намерена добиться от вас подробных объяснений при первой же возможности, – начала она, но тут же обнаружила, что говорит в пространство. Тобиас уже успел выскочить в коридор и оказаться у лестницы. Она уже хотела последовать за ним, но что-то заставило ее напоследок осмотреть комнату, которую они только что обыскивали. Взгляд ее упал на тумбочку у кровати. Бледный треугольник лунного света падал на лежавшие там предметы. Ей вдруг показалось, что в их расположении что-то изменилось. И в следующее мгновение она поняла, в чем дело. Кольцо исчезло.

Ей стало не по себе. Тобиас не вор. Он взял кольцо по некоей достаточно веской причине, которую не счел нужным объяснять ни ей, ни Бомону.

С самого своего разговора с Аспазией Грей ее партнер вел себя более чем странно.

– Мне действительно не нравится эта женщина, – громко сказала Лавиния в пустоту комнаты.

Глава 5

Этаж, где располагались помещения для слуг, кипел теми же эмоциями, что обуревали господ на нижних этажах. Смятение, любопытство, недоумение...

Небольшие группы разбуженных людей собирались в узком коридоре с низкими потолками, тихо беседуя о случившемся. Но при виде Лавинии и Тобиаса все разговоры мигом оборвались. Все оборачивались, чтобы посмотреть на вторгшихся снизу незваных гостей.

Тобиас устремил взор на ближайшую к нему особу, молодую горничную в ночной сорочке.

– Где здесь лестница, что ведет на крышу? – резко спросил он. Девушка ахнула и застыла, как застигнутый волком кролик. В широко раскрытых, устремленных на Тобиаса глазах плескался ужас. Она несколько раз пыталась ответить, но с губ срывались несвязные звуки.

– Крыша, девушка, – строго повторил Тобиас, и в его голосе прозвучало обещание грядущих кар. – Где чертова лестница?

Собеседницы девушки поспешно ретировались, оставив ее наедине с Тобиасом.

– П-п-пожалуйста, сэр...

Девушка снова осеклась, стоило Тобиасу подойти ближе. Бедняжка, казалось, вот-вот ударится в слезы.

Лавиния вздохнула. Наверное, теперь самое время вмешаться.

– Довольно, сэр, – повелительно бросила она, вставая между Тобиасом и трясущейся горничной. – Вы пугаете ее. Позвольте мне самой все узнать.

Тобиас выпрямился, явно недовольный тем, что добычу вырвали, можно сказать, прямо из его когтей. Он так и не оторвал ледяного взгляда от трепещущей девушки.

– Так и быть, – прорычал он. – Но только поскорее. Нечего зря тратить время.

Лавиния подумала, что не осуждает несчастную девушку. Тобиас временами был способен на кого угодно нагнать страху. Взять хотя бы их первую встречу. Она живо помнила все обстоятельства их знакомства. Это произошло в Риме. В одну роковую ночь он ворвался в маленькую антикварную лавочку, которую содержали Лавиния и ее племянница Эмелин, и принялся бить все, что попадалось на глаза. Вскоре на полках не осталось ни одной целой статуэтки. Сначала Лавиния приняла его за сумасшедшего, но потом, заметив ледяное спокойствие во взгляде, поняла: он прекрасно знает, что делает. Но от этого все происходящее показалось еще более зловещим.

– Успокойтесь, – велела она горничной, теребя серебряный медальон и говоря тихим, умиротворяющим тоном, которым всегда пользовалась, когда хотела ввести пациента в легкий транс. – Смотрите на меня. Вам нечего бояться. Все хорошо. Вам нечего бояться. Совершенно нечего бояться.

Девушка моргнула раз, другой и, оторвав глаза от неумолимого лица Тобиаса, уставилась на медальон.

– Как вас зовут? – мягко спросила Лавиния.

– Нелл. Нелл мое имечко, мэм.

– Прекрасно, Нелл. А теперь объясните, где лестница, которая ведет на крышу?

– В конце коридора, мэм. Только Драм не велел слугам выходить на крышу. Бойтесь, что кто-нибудь может упасть. Видите ли, ограждение уж очень низкое.

– Понимаю.

Краем глаза Лавиния заметила, как Тобиас уже идет по коридору, явно направляясь к лестнице. Она хотела идти следом, но решила задать еще один вопрос. Последний.

– Вы знаете всех слуг, Нелл?

– Да, мэм. Все мы из одной деревни или с ферм.

Теперь девушка отвечала охотно, и не было нужды удерживать ее внимание с помощью медальона. Лавиния отпустила серебряную безделушку. Горничная снова моргнула и подняла глаза на Лавинию.

– Я хочу узнать о той горничной, что повыше вас ростом, возможно, на несколько лет старше, с золотистыми волосами, собранными в массу тяжелых буколек. Сегодня вечером на ней был большой чепец, отделанный голубой лентой. Выглядел совсем новым, и оборка была гораздо шире, чем у вашего.

– Новый чепец с голубой лентой? – Нелл ухватилась за ту подробность, которая показалась ей наиболее важной. – Нет, мэ. Если бы одной из нас повезло получить новый чепец, мы все бы знали об этом, уверяю вас.

– А есть среди ваших товарок высокая блондинка?

– Ну... Энни высокая, но волосы у нее темные. У Бетси, правда, желтые волосы, но она ниже меня, – рассуждала Нелл, сосредоточенно хмурясь. – Вроде бы такой девушки у нас нет.

– Ясно. Спасибо. Вы мне очень помогли.

– Да, мэ. – Нелл слегка присела, бросила нерешительный взгляд в сторону Тобиаса, открывавшего дверь, и недовольно поморщилась: – А сэр? Он тоже собирается меня расспрашивать?

– Не тревожьтесь. Если он захочет снова поговорить с вами, я буду рядом.

Нелл облегченно вздохнула.

– Спасибо, мэ.

Лавиния быстро пошла по коридору. К тому времени как она добралась до лестницы, Тобиас уже исчез. Оставшись без свечи, она принялась ощупью карабкаться по узким ступенькам. Но когда добралась до верха, оказалось, что дверь открыта. Лавиния выступила на лунный свет и увидела Тобиаса у низкого ограждения. Он смотрел в сад. Она подошла к нему.

– Это то место, где упал Фуллертон? – спросила она.

– Похоже, что так. Видишь, царапины на ограждении?

Он поднял свечу так, что свет упал на следы, оставленные в многолетнем слое пыли, сажу и грязи, осевших на камне. Они явно принадлежали человеку, отчаянно хватавшемуся за все, чтобы спастись от неминуемого падения. Лавинию передернуло от страха.

– Да, – прошептала она, – вижу.

– Мне представляется, что женщина намеренно заманила его на крышу, – пояснил Тобиас, сделав несколько шагов. – Ты сказала, что Фуллертон был сильно пьян и поэтому, вне всякого сомнения, едва держался на ногах. Следовательно, не потребовалось особых усилий, чтобы перекинуть его через край. Самых больших трудов стоило привести его туда.

– Я знаю, что по какой-то причине, которую тебе еще предстоит объяснить, ты убежден, что это убийство, – тихо заметила она. – Но пока я не видела ничего, указывающего на то, что это не несчастный случай.

– Как насчет высокой горничной-блондинки?

Лавиния поколебалась.

– Нелл не знает никого отвечающего этому описанию, – признала она.

Тобиас задумался. В свете свечи его лицо приобрело зловещее выражение. Она вполне понимала реакцию Нелл. Всякому, не знакомому с вышедшим на охоту Тобиасом, прежде всего захочется бежать со всех ног, спасая жизнь.

– Одна из гостей, возможно, – медленно произнес он. – Одета в костюм, который носила на маскараде?

Лавиния вызвала в памяти образ спутницы Фуллертона и покачала головой:

– Вряд ли костюм подобного рода надела бы на бал приглашенная дама. Слишком уж он обычный, простой... ну, ты понимаешь, о чем я. Да и ткань недостаточно тонка. Платье было

сшито из грубой, некрасивой материи, уныло-коричневого цвета. Туфли, чулки и передник походили на те, что носят служанки Бомонов.

– То есть не костюм, а настоящая маскировка, – кивнул он.

– Тобиас, мне кажется, пора объяснить, что происходит на самом деле.

Он, не отвечая, снова принялся ходить взад-вперед. Лавиния поняла, что он ищет еще какие-то свидетельства случившегося. Она уже опасалась, что он попытается избежать расспросов. Но, добравшись до дальнего угла, Тобиас сказал:

– Я уже рассказывал, что во время войны проводил кое-какие конфиденциальные расследования для правительства по просьбе моего друга, лорда Крекенберна.

– Да, да, мне известно, что вы были шпионом, сэр. Прошу вас, не отвлекайтесь на детали.

– Говоря о прежней профессии, я предпочитаю избегать термина «шпион». – Он наклонился, чтобы получше разглядеть что-то, увиденное в грязи. – Это вызывает весьма неприятные ассоциации.

– Я прекрасно сознаю, что эта профессия не считается приличной карьерой для джентльмена. Но когда мы одни, совсем ни к чему ходить вокруг да около. Да, ты был шпионом. Мне пришлось заняться торговлей, чтобы как-то прожить в Риме. У нас обоих имеется прошлое, которое мы вовсе не хотели бы сделать достоянием гласности. Но сейчас это вряд ли имеет значение. Продолжай свой рассказ.

Тобиас выпрямился и загляделся на ночное небо.

– Ад и проклятие, Лавиния, я даже не знаю, с чего начать.

– Начни хотя бы с того, почему взял кольцо с тумбочки Фуллертона.

– Ах, ты и это заметила? – слегка улыбнулся Тобиас. – Весьма наблюдательно. Ты делаешь большие успехи в освоении нового занятия. Я действительно взял проклятое кольцо.

– Почему? Вы же не вор, сэр.

Он сунул руку в карман, извлек кольцо и тяжело вздохнул.

– Будь я даже склонен к воровству, ни за что не стянул бы подобное украшение по доброй воле. Я захватил его, поскольку был уверен, что оно оставлено именно мне.

По спине Лавинии медленно прокатилась ледяная волна. Она подошла к тому месту, где стоял Тобиас, и стала рассматривать кольцо. Неширокая золотая лента была украшена миниатюрным гробиком. Тобиас кончиком пальца открыл крышку. Зловещий череп улыбался ей со своего ложа из скрещенных костей.

– Кольцо «мemento мори», – кивнула она, слегка нахмурившись. – Такие были весьма популярны в прошлые времена, хотя мне никак не взять в толк, почему кто-то хотел носить на пальце постоянное напоминание о смерти.

– Три года назад стареющая графиня, богатая вдова и два обеспеченных джентльмена погибли по причинам, казавшимся на первый взгляд либо несчастным случаем, либо самоубийством. В один прекрасный день я решил обсудить эти события с моим другом Крекенберном, и в результате этой беседы выяснилось, что в каждом случае кто-то получил от этой кончины несомненную выгоду.

– Ты имеешь в виду наследства?

– Да. Во всех четырех случаях. И не только деньги. Большие поместья и один или два титула перешли в другие руки.

– И что тут странного? Такое всегда бывает, когда знатные, состоятельные люди отправляются на тот свет.

– Совершенно верно. Но мое любопытство возбудили иные аспекты этих происшествий. Оба самоубийства, например, казались мне чрезвычайно маловероятными. Крекенберн, который хорошо разбирается в тонкостях жизни светского общества, не считал, что оба самоубийцы страдали меланхолией или смертельными болезнями. Ни один не пережил значительных финансовых потерь.

– А несчастные случаи?

– Стареющая графиня гуляла зимой по пруду, затянутому льдом, и провалилась. Богатая вдова упала с лестницы в собственном доме и сломала шею.

Наступило молчание. Лавиния нехотя взглянула на то место, где Фуллертон, похоже, сделал последнюю, бесплодную попытку удержаться на краю.

Тобиас проследил за направлением ее взгляда и кивнул:

– Да, в самом деле, она и Фуллертон кончили почти одинаково.

– Продолжайте, сэр.

Тобиас возобновил свое неторопливое хождение.

– Крекенберн и попросил меня разобраться в этих делах. Без всякой огласки, разумеется. Никто не подозревал ни о каких убийствах, и ни одна из заинтересованных семей не желала никакого скандала.

– И что ты обнаружил?

– В процессе расследования я узнал от экономки вдовы, что рядом с ее телом лежало крайне неприятное украшение.

Ладони Лавинии похолодели от дурного предчувствия.

– Кольцо «мементо мори»?

– Да.

Тобиас с силой сжал кольцо.

– Экономка служила у своей госпожи много лет и была совершенно уверена, что в числе драгоценностей вдовы такое кольцо не значит. Когда же дело дошло до самоубийств, мне сказали, что в библиотеках обоих мужчин лежали такие же кольца. Камердинеры не признали их собственностью хозяев.

Лавиния вдруг осознала, что ночной воздух несет струйки холода.

– Теперь я поняла, почему ты так озабочен смертью Фуллертона.

– Ровно через две недели после начала расследования случилось пятое несчастье. Престарелый пэр вроде бы принял чересчур большую дозу опия. Я узнал о подозрительном самоубийстве почти немедленно благодаря связям Крекенберна и с его помощью сумел проникнуть в дом, прежде чем тело унесли, и обыскал спальню. На столике лежало кольцо. Но это было не единственным моим открытием.

– Что же еще ты узнал?

– На подоконнике была грязь, словно кто-то пробрался той ночью в спальню, возможно, чтобы подлить опия в стакан старика. В саду под окном спальни я нашел обрывок тонкого черного шелка, зацепившийся за ветку дерева. В конце концов мне удалось найти лавку, где продавали такой шелк, и получить описание человека, его купившего.

– Блестящая работа, сэр.

– Выплыли на свет и другие улики. Не стану утомлять тебя скучными деталями. Достаточно сказать, что одна вела к другой, и я все-таки определил убийцу. Но и он понял, что я загоняю его в угол.

– И сбежал из страны?

Тобиас поставил ногу на низкое ограждение, оперся локтем о бедро и, казалось, погрузился в мрачные мысли, глядя на темный горизонт.

– Нет, – выдавил он. – Убийца считал себя джентльменом, который вызвал меня на что-то вроде смертельного поединка. И когда сообразил, что проиграл, предпочел приставить к виску дуло пистолета.

– Понятно.

– Я нашел у него целую коллекцию подобных колец вместе с расходной книгой, где скрупулезно отмечалась каждая сделка. Все это лежало в его кабинете, в потайном сейфе.

– Господи боже, неужели он действительно вел подобные записи?

– Именно.

– А кольца? Почему он оставлял их на месте преступления?

– По-моему, они были чем-то вроде его визитной карточки. Таким образом он давал понять, кто ответствен за преступления.

Лавиния в ужасе уставилась на него:

– Хочешь сказать, он подписывал убийства, как художник подписывает картину?!

– Да. Видишь ли, он гордился своим мастерством. Разумеется, он не мог открыто хвастаться своими деяниями в клубах, так что пришлось оставлять кольца среди вещей жертвы.

– Слава богу, что ты понял, кто затеял все это, и положил конец его карьере.

– Все это дело, разумеется, замяли, поскольку прямых доказательств не было, а члены богатых семейств сделали бы все, чтобы избежать позора... – Голос Тобиаса вдруг стал жестче. – Я часто думал, что, если бы с самого начала заподозрил неладное и действовал быстрее, смог бы спасти чьи-то жизни.

– Вздор, – возразила Лавиния, подойдя совсем близко. – Я и слышать ничего не желаю, Тобиас. И не позволю, чтобы ты винил себя за то, что не сразу разобрался в этом деле. Согласись, никто даже представления не имел, что несчастных убили, пока ты не сложил все части головоломки и не разоблачил невероятно умного преступника, который продолжал бы свое дело еще много лет, не останови ты его.

Тобиас снова стиснул кольцо, но ничего не ответил.

– Этот человек совершал преступления просто ради собственного развлечения? Или руководствовался каким-то безумным мотивом? – спросила она.

– Не сомневаюсь, что отчасти так и было. Но главным для него были деньги. Он брал плату за каждую смерть. Все сделки были аккуратно занесены в книгу вместе с датами выполнения работы и суммами. Но он постарался защитить клиентов. Их имена нигде не упоминались. Очевидно, и они, в свою очередь, не знали человека, которого наняли для совершения жестокого убийства.

– Наемный профессиональный убийца, – прошептала она. – Что за омерзительный способ зарабатывать себе на жизнь! И ты сказал, что он был джентльменом?

– Совершенно верно. Обладал безупречными манерами, огромным обаянием и одевался по моде. Был общительным, его все любили и повсюду приглашали. Член двух-трех клубов. Короче говоря, он свободно вращался в самых высоких кругах. – Тобиас еще раз взглянул на маленький череп. – Это было чем-то вроде его охотничьих угодий.

– Охотничьи угодья. Что за отвратительный словесный оборот!

– Но он действительно находил клиентов и жертв в обществе. Искренне презирал простых воров, бандитов и убийц. Он не считал себя обычным преступником.

– Да, но мы давно обнаружили, что среди так называемых уважаемых людей немало преступников.

Лавиния помедлила, крайне встревоженная его мрачным настроением. Вероятно, события трехлетней давности сильно затронули его. И тут взыграла ее интуиция.

– Тобиас, ты был знаком с этим человеком до того, как узнал, что он убивает за деньги? Может, даже считал его другом?

– Было время, когда я доверил бы Закери Элланду собственную жизнь. Мало того, в некоторых случаях именно так я и поступал, – глухо пробормотал Тобиас, и это откровенное признание сказало все, что она хотела знать.

– Мне так жаль, – выдохнула она, касаясь его плеча. – Каким ударом для тебя это, должно быть, оказалось!

– Именно наша чертова дружба помешала мне с самого начала увидеть правду! – брезгливо поморщился Тобиас, очевидно, охваченный презрением к себе. – А он рассчитывал на

это. Использовал наши отношения в той гнусной игре, которую вел против меня. Даже притворялся, что помогает мне расследовать убийства.

– Тобиас, ты не должен говорить так, будто проиграл. Ведь ты же раскрыл дело.

Но он, словно не слыша, смотрел на залитый лунным светом лес, тянувшийся сразу за садом.

– Нас познакомил Крекенберн. Несколько дней он наблюдал, как ведет себя Закери за карточным столом, поскольку знал, что для одного моего расследования нам требуется опытный игрок. Он также чувствовал, что у Элланда именно тот темперамент, который нужен для хорошего шпиона. Закери обожал рисковать.

Лавиния молча кивнула, не отнимая руки от его плеча, пытаясь дать ему безмолвное утешение.

– Но я все же не понимаю, почему ты принял это так близко к сердцу.

– Мне больно думать, что, возможно, именно я показал ему ту дорожку, которая привела его к карьере наемного убийцы.

– Сэр, это просто возмутительно! – взорвалась Лавиния, стискивая его плечо. – Не можешь же ты винить себя за то, что твой друг стал преступником! Это совершеннейшая чушь!

– Хотел бы я, чтобы ты была права. Но беда в том, что первые записи в его дневнике были сделаны вскоре после того, как мы стали работать вместе.

– Но что заставило тебя считать, будто ты приложил руку к превращению его в убийцу?!

– Я был его наставником. Учил его мастерству шпиона. Именно я давал ему задания. – Тобиас глубоко вздохнул. – Он был очень способным учеником.

– Продолжай.

– На втором задании случился инцидент. Мне следовало быть более осмотрительным.

– А что там произошло? – деловито спросила она.

– Я послал его следить за человеком, которого мы подозревали в прямых связях с предателями. Если верить Закери, объект заметил его и вынул нож с намерением прикончить соглядатая. Позже Закери объяснил, что был вынужден защищаться. Он убил этого человека и сбросил в реку, чтобы избавиться от трупа. В то время у меня не было причин сомневаться в его действиях.

– И что было дальше?

– Закери хорошо показал себя в том расследовании и просил дать ему новое задание. Высокопоставленные приятели Крекенберна были чрезвычайно довольны, – пояснил Тобиас. – Смерть изменника ничуть их не обеспокоила. Мне было велено и дальше использовать Элланда.

– А были ли еще подобные инциденты?

– Насколько я знаю, еще один. И Крекенберн, и его друзья в правительстве дружно согласились, что это явный случай самообороны, и поскольку погибший сам был убийцей, никто не проливал по нему слез. Не уверен точно, но могло быть еще два подобных случая. Закери не взял на себя ответственность за них, и никто не пожелал провести расследование.

– Потому что смерть этих людей была удобна правительству?

– Не только. Еще и потому, что привела к подкупу важных чинов французской армии и флота, – ответил Тобиас и, поколебавшись, добавил: – Я часто задавался вопросом, уж не приобрел ли Закери вкус к убийствам во время своей шпионской деятельности.

– Но что случилось после первого поражения Наполеона?

– Закери снова вернулся к карточным столам и, похоже, оказался довольно удачлив в игре. Наши пути разошлись. Иногда мы встречались в клубах, но по большей части виделись редко.

– Именно тогда до тебя и дошли слухи о таинственных смертях в высшем обществе?

– Да... по-моему, именно так. Но должен признать, что очередная кончина престарелого лорда или богатой вдовы не вызывала ни любопытства, ни интереса как во мне, так и в ком-то еще. Я был занят своими делами и воспитанием Энтони, и для праздных размышлений оставалось мало времени. Но тут Наполеон сбежал с острова Эльба, и снова началась война.

– И Крекенберн вновь призвал тебя на службу, – кивнула Лавиния.

– Меня и Закери. Только на этот раз не я был старшим над ним. Мы стали чем-то вроде коллег, равных по положению, и обменивались информацией. Но не работали вместе.

– А когда ты стал его подозревать?

– За несколько месяцев, прошедших после битвы под Ватерлоо, произошел ряд непонятных самоубийств и несчастных случаев, о которых я уже упоминал. Как раз в этот момент я и решил заняться частным сыском и подметил кое-какие одинаковые детали во всех этих случаях. Я имею в виду кольца, – медленно, словно нехотя протянул Тобиас.

– И ниточка постепенно привела к Закери Элланду, – заключила Лавиния.

– Да. В процессе расследования я показал кольца Крекенберну. Он припомнил старые слухи о профессиональном убийце, который когда-то пользовался подобной визитной карточкой. И кличка у него была Мemento Мори. Говорили, что ни один из тех, кто узнал его истинную сущность, не дожил до следующего утра. Элланд, очевидно, тоже слышал эти истории и решил воспользоваться легендой.

– Тобиас, послушай, решение Элланда стать профессиональным убийцей не имеет ничего общего с той работой, что он делал для тебя.

– В сейфе, где я обнаружил кольца и дневник, была еще и адресованная мне записка. Там говорилось, что если я нашел ее, значит, выиграл. Он поздравлял меня с победой так, будто я обыграл его в шахматы! – вырвалось у Тобиаса.

– Подобная бесчеловечность просто непостижима.

– Далее он уведомлял меня, что я его достойный противник. Последняя строчка письма гласила: «Больше всего мне будет не хватать азарта охоты».

– Он в самом деле чудовище! – ахнула Лавиния.

– Должен сказать, что временами я вполне понимаю его страсть к охоте, – тихо признался он.

– Тобиас!

– Знаешь, я испытываю весьма сильные ощущения, когда сознаю, что уловил запах добычи. И невозможно отрицать, что в этом есть некое темное, щекочущее нервы возбуждение. – Он вскинул голову. В дрожащем огоньке свечи его глаза сверкали, как у кровожадного ночного хищника. – Когда-то Элланд сказал мне, что у нас много общего, и, возможно, был прав.

– Немедленно прекрати! – крикнула Лавиния, свирепо стиснув руку Тобиаса. – И не смей даже намекать, что вы с Элландом в чем-то схожи! Одно дело – получать удовлетворение от охоты: в твоей природе искать ответы и заботиться о торжестве справедливости! И совсем другое – находить удовольствие в смерти! Мы оба знаем, что ты никогда не смог бы пойти на такое!

– Иногда, во мраке ночи, я задаюсь вопросом, так ли уж велика разница между мной и Элландом...

– Проклятие, Тобиас, я не желаю слышать этот вздор!

Тобиас невесело усмехнулся.

– Да, миссис Лейк.

– Я никогда не видела вашего старого знакомого, но могу заверить, что вы с Элландом различны, как ночь и день.

– Вы уверены, мадам? – спросил он слишком мягко.

– Абсолютно. Как тебе известно, у меня чрезвычайно развита интуиция. – Ей хотелось хорошенько встряхнуть его, вывести из этого состояния. – Ты не убийца, Тобиас Марч.

Тобиас не сказал ни слова. Только взгляд оставался неприятно сосредоточенным. И тут Лавиния запоздало вспомнила о последнем случае, которому в своих записях дала название «Дело безумного месмериста». Вспомнила и неловко откашлялась.

– Ну... может, за эти годы и произошли один-два инцидента, но ты сам понимаешь, что все это несчастная случайность, не более.

– Случайность, – бесстрастно повторил Тобиас.

– Ну, не совсем, – поспешно поправилась она. – Вернее, акты отчаянной храбрости, направленные на то, чтобы спасти чьи-то жизни вроде моей собственной. Это никак нельзя назвать хладнокровным убийством! Неужели не видишь разницы, Тобиас?! – Она перевела дыхание и покачала головой: – Но довольно об этом. Лучше расскажи, при чем здесь Аспазия?

– Аспазия? – нахмурился Тобиас. – Разве я не объяснил?

– Нет, сэр, не удосужились.

– Она была любовницей Закери.

– Элланда? Понимаю. Это многое объясняет.

– Они встретились весной, еще до Ватерлоо. Аспазия воспылала безумной страстью к Элланду, и он, казалось, отвечал ей тем же. Они собирались пожениться. Летом Закери вновь стал работать на правительство и тогда же использовал связи Аспазии в обществе, чтобы получить доступ к богатым людям. Мы считаем, что это помогло ему не только собирать сведения, но и приобрести выгодных клиентов.

– Господи боже!

– Как-то вечером Аспазия случайно узнала правду о настоящей профессии Закери и в ужасе сбежала от него. Я часто гадал, какова была истинная причина его самоубийства: угроза разоблачения или потеря любимой женщины.

– Мне трудно поверить в то, что убийца может быть таким чувствительным, – пробормотала Лавиния.

– Как ни странно это звучит, но в натуре Элланда присутствовали одновременно драматизм и романтизм. Он напоминал мне художника или поэта, жаждущего любых впечатлений, которые могли бы привести его к высочайшему пику ощущений и эмоций.

– Невзирая на цену, которую приходится платить?

– Цена его никогда не интересовала. Он жил ради все новых вершин азарта.

– А что сделала Аспазия, узнав о смерти любовника? – вырвалось у Лавинии.

– Ужасно расстроилась. Была вне себя от горя. Я никогда раньше не видел ее в таком состоянии. Элланд был единственным, кого она по-настоящему любила. И была безутешна, не только потому, что он покончил с собой.

– Наверное, ее ранило то, что эта любовь застлала ей глаза и не позволила увидеть его истинную природу.

– Именно. Аспазия, как ты уже поняла, женщина светская. Она считала себя слишком умной и проницательной, чтобы обмануться в делах любви. Обман Закери потряс ее до глубины души.

Лавиния твердила себе, что просто обязана испытывать хоть немного сочувствия к Аспазии. Но каждый раз, думая об этом, представляла эту женщину, обнимающую Тобиаса, и никак не могла найти в сердце хотя бы немного жалости.

Тем не менее приходилось признать, что любая женщина, даже Клеопатра, потеряла бы голову, обнаружив, что ее любовник – наемный убийца, находивший злобное удовлетворение в своей деятельности да к тому же помечавший каждое преступление своим личным знаком!

– Насколько я поняла, ты считаешь себя ответственным за происходящее, – сказала она наконец. – А миссис Грей, вне всякого сомнения, играет на твоих чувствах. Так это она винит тебя за то, что Элланд пустился по дурной дорожке и плохо кончил?

– Она не сказала прямо, но подозреваю, что так оно и есть, – буркнул Тобиас.

– Чепуха! – вновь отрезала она. – Абсолютная чепуха.

– Думаю, она тоже терзается угрызениями совести, потому что помогла ему войти в общество и тем самым способствовала преступлениям.

– Какая печальная история, – вздохнула Лавиния.

Тобиас разжал руку, позволяя свету упасть на крошечный череп и скрещенные кости.

– И теперь, похоже, кому-то понадобилось рассказать ее с самого начала.

– Надеюсь, ты не веришь, что Закери Элланд встал из могилы, дабы возобновить свою карьеру?

– Нет, разумеется, нет. Я сам нашел его тело и присутствовал на похоронах. Но этот новый убийца послал такое кольцо Аспазии, и я совершенно уверен, что, вернувшись домой, найду такое же, – с трудом выговорил Тобиас.

– Старый знакомый возвестил, что снова принялся за свое.

– Похоже, что так. Аспазия при виде кольца ударилась в панику. Поэтому и последовала за нами сюда.

– Хм...

Тобиас снова нахмурился:

– Ты о чем?

– Должна заметить, сэр, что Аспазия совсем не показалась мне взволнованной.

Губы Тобиаса насмешливо дернулись.

– Она не из тех, кто подвержен истерическим приступам. Но я знаю ее лучше, чем ты, и можешь поверить, что сегодня ее нервы были в крайне расшатанном состоянии.

– Что же, если ты так считаешь... Лично я уверена: она попросту использует твои душевные терзания, чтобы манипулировать тобой.

– Ей совсем не нужно идти на такие ухищрения, чтобы заручиться моей помощью, и, думаю, она прекрасно об этом знает, – покачал головой Тобиас, кладя кольцо в карман. – Никто не жаждет найти этого нового Мемента Мори сильнее меня. Он бросил мне перчатку, и теперь нельзя терять ни минуты.

– Ты должен позволить мне участвовать в расследовании, Тобиас.

– Я не желаю, чтобы ты имела что-то общее с этим делом.

– Ты сам сказал, что его необходимо раскрыть как можно быстрее, и поэтому не помешает любая помощь. И прошу вспомнить, что я не новичок в подобного рода вещах.

– Ад и проклятие, Лавиния...

Она повелительно подняла руку, требуя молчания.

– Напоминаю, что пока я единственный свидетель, который у тебя имеется. Правда, я не могу дать достоверного описания горничной, которая провожала Фуллертона на крышу, но кое-какие детали я все же заметила.

Неожиданно на глаза ей попался лоскут белой ткани, валявшийся под самой дымовой трубой.

– Ну-ка, ну-ка, что это у нас?

Она взяла у него свечу и поспешила к трубе. Тобиас снял ногу с каменного ограждения и последовал за ней.

– Ты что-то нашла?

– Пока не знаю. Но если это то, что я предполагаю, у нас есть первая улика.

Она нагнулась и подхватила что-то с земли.

– Ее чепчик!

– Ты уверена?

Тобиас взял чересчур большой, неуклюжий чепчик и принялся вертеть в руках, разглядывая со всех сторон.

– Ничего необычного. Такие есть у каждой женщины.

– Не совсем. У этого необычайно широкие оборка и лента. Именно он был на горничной-блондинке. Не удивлюсь, если к внутренней стороне пристали несколько светлых волосков. Тобиас, это доказывает, что наш убийца – женщина.

Тобиас долго смотрел на чепчик, прежде чем ответить:

– Или мужчина, переодетый женщиной.

Глава 6

Они спустились вниз и отправились на поиски хозяина. Бомон ждал их в библиотеке. Тут же присутствовали дворецкий Драм и нервный маленький человечек, который представился доктором Хьюзом.

Сидевший за гигантским письменным столом Бомон казался еще круглее и короче. Тобиас заметил в его руке стакан, половина содержимого которого уже исчезла. Спиртное, очевидно, произвело на Бомона благотворное воздействие. Он уже не казался взволнованным и неуверенным. Его светлость снова твердо держал в руках бразды правления.

В ответ на расспросы Лавинии Драм сообщил, что ни одна из постоянных горничных не отвечает ее описанию блондинки. Лавиния взмахнула чепцом.

– А как насчет этого, позвольте спросить?

Все уставились на злосчастный головной убор.

– Не сомневаюсь, что вы действительно видели Фуллертон с женщиной, – заявил Бомон. – Вероятно, с одной из деревенских девушек. Во всяком случае, очевидно, что он чересчур много выпил, отправился на поиски доступной девицы и поднялся на крышу, чтобы никто ему не помешал. То, что случилось потом, – это всего лишь несчастный, трагический случай. – Он хмуро воззрился на доктора: – Разве не так, доктор Хьюз?

– Разумеется. – Доктор откашлялся и сделал попытку сесть прямее. – Я сам осмотрел тело, – торжественно объявил он. – И абсолютно уверен, что Фуллертон стал жертвой печальных обстоятельств.

Тобиас выругался про себя. Совершенно ясно, что Бомон решил спустить дело на тормозах, и как можно быстрее, чтобы даже тень скандала не коснулась его дома. Вряд ли он потерпит хоть малейший намек на убийство.

Брови Лавинии мрачно сошлись.

– Сэр, мы с мистером Марчем подозреваем, что эта доступная девица, кем бы она ни была, намеренно заманила Фуллертон на крышу. Нам необходимо удостовериться, есть ли человек, который сумеет ее опознать.

Бомон многозначительно кивнул Драм. Тот мгновенно принял безразличный вид.

– Как уже изволил объяснить его светлость, девушка скорее всего живет в деревне и нанята временно. Она, вероятно, запаниковала, увидев, что произошло, и сбежала из замка, не дожидаясь допроса. И у нее были все причины так поступить. Видите ли, если узнают, что она развлекала джентльмена на крыше, ей будет чрезвычайно трудно найти себе работу в этой округе.

– Но возможно также, что она все еще здесь, в замке, – настаивала Лавиния. – Мы должны собрать всех слуг и гостей и допросить их.

Бомон побагровел и несколько раз открыл и закрыл рот, совсем как рыба на суше, прежде чем сумел заговорить.

– Допросить гостей? Вы в своем уме, миссис Лейк? Ничего подобного вы не сделаете! Я запрещаю!

– Но, сэр, речь идет об убийстве!

– Фуллертон никто не убивал. Это был несчастный случай.

– У нас есть все причины думать...

– Думайте что хотите, миссис Лейк. Но это мой дом, и я не позволю тревожить уже и без того расстроенных гостей.

Тобиас подумал, что подобными методами ничего не добьешься.

– Вы согласны, что до того, как упасть с крыши, Фуллертон был с женщиной, – обратился он к Бомону, – но считаете, что она не имеет никакого отношения к его смерти?

– Этот человек был пьян, – объявил Бомон, поспешно глотнув бренди и ставя стакан на стол. – Поэтому и потерял равновесие. Вот и все. Огромная трагедия, не отрицаю, но ни о каком убийстве речи не идет.

Тобиас тихо вздохнул. Какая жалость, что Бомон немного пришел в себя, опомнился и приобрел союзников в лице дворецкого и местного доктора! Теперь его светлость уверен, что ситуация под контролем и он снова укрепил свою власть. Трудно упрекать его за желание избежать огласки. Кому хочется навлечь позор на семью! К тому же подобные сплетни не умирают очень долго.

– Сэр, – спокойно начал Тобиас, – позвольте сказать, что, по моему мнению профессионала, существует ряд вопросов, на которые необходимо получить ответ. С вашего разрешения я хотел бы продолжить расследование.

– Совершенно невозможно, Марч! – взревел Бомон, грохнув кулаком по столу и вскакивая на ноги. – Ваше своеволие зашло чересчур далеко! Никогда в этом доме не было подобных треволнений! Леди Бомон просто вне себя!

Лавиния нетерпеливо постукивала мыском туфли о ковер, и Тобиас видел, как горят ее глаза. Он сделал ей знак успокоиться, но она проигнорировала предупреждение.

– Тревоги леди Бомон вполне понятны, сэр, – кивнула она, – но, как мы только что объясняли, здесь, вполне возможно, произошло убийство, и, учитывая это обстоятельство, неизбежно возникают вопросы. Вряд ли они так уж смутят ваших гостей.

– В последний раз повторяю, что никакого убийства здесь не было! – фыркнул Бомон. – И позвольте мне самому судить, что причинит неудобство моим гостям, мадам.

– В таком случае, сэр, мне придется настаивать на том, чтобы нам разрешили провести расследование, – заупрямилась Лавиния. – Заверяю, что у нас немалый опыт в подобных вещах, и...

Бомон отреагировал именно так, как предвидел Тобиас. Его светлость взорвался:

– Вы настаиваете? – И без того красное лицо приобрело пугающий оттенок фиолетового. – Настаиваете, миссис Лейк? Да кто вы такая, мадам?!

Тобиас стиснул зубы и приготовился к неизбежному. И она еще имеет дерзость обвинять его в недостаточной вежливости по отношению к клиентам!

– Вы не имеете права распоряжаться в этом доме, мадам! – заревел Бомон. – Не хочу никого оскорблять, но ни вас, ни мистера Марча здесь и в помине бы не было, если бы не мое стремление угодить лорду Вейлу, в свое время сделавшему мне огромное одолжение!

– Я все понимаю, сэр, – поспешно заверила Лавиния, – и с вашей стороны было крайне любезно пригласить нас на ваш домашний прием. Заверяю, что я и мистер Марч прекрасно провели время. Все было просто идеально. Правда, моя спальня довольно тесна и скудно обставлена, но подозреваю, что произошла досадная ошибка.

Глаза Бомона, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Это еще что? Теперь вы жалуется на размеры спальни?

– Не беспокойтесь, сэр. Разумеется, не вы виноваты в том, что меня выселили из прекрасной комнаты на втором этаже и поместили наверху, в гораздо менее удовлетворительном помещении, – величественно объявила Лавиния. – Я вполне могу обойтись, тем более что мое пребывание здесь не будет долгим. Так вот, возвращаясь к нашим теориям относительно сегодняшних событий...

Бомон схватился пухлыми руками за край столешницы и подался вперед, удивительно напоминая готового напасть быка.

– Мне кажется, мадам, что поскольку вы и Марч одержимы своими безумными теориями относительно какой-то нечестной игры, то, вне всякого сомнения, не сможете больше получать удовольствия от общения с нами.

– Как приятно, что кто-то беспокоится о моем удовольствии! Но, сэр, в этом нет необходимости. Уверена, что мы прекрасно справимся.

– Мне это не представляется возможным, – проворчал Бомон. – Ведь вы оба захотите вернуться в Лондон как можно скорее.

– Нет, мы...

– Утром Драм первым делом пошлет горничную и лакея в ваши спальни, чтобы помочь собраться. Ваша карета будет готова к девяти... нет... лучше в половине девятого. До города довольно далеко, и я уверен, что вы захотите выехать пораньше.

Лавиния потрясенно уставилась на него, только сейчас сообразив, что он имеет в виду. К ее чести нужно сказать, что пришла она в себя довольно быстро. Глаза зловеще блеснули. Губы приоткрылись.

– Превосходное предложение, сэр, – вмешался Тобиас, прежде чем разразилась буря, и, взяв Лавинию за руку, буквально поволок к двери. – Пойдемте, миссис Лейк. Нам лучше подняться наверх и заняться приготовлениями к дороге.

На какое-то мгновение ему показалось, что она не сдвинется с места, и потому он стиснул пальцы в безмолвном предостережении.

– Да, разумеется. – Она раздвинула губы в механической улыбке. – Доброй ночи, сэр. Надеюсь, с вашими гостями ничего не случится после нашего отъезда. Бывают всякие неприятные инциденты, знаете ли. Да и одному Богу известно, какие последствия будет иметь это происшествие. Вы и ваша супруга можете вдруг обнаружить, что ваши приемы больше не пользуются таким успехом, как прежде, если, разумеется, пойдут слухи, что безопасность тех, кто остановился под вашей крышей, вовсе не гарантирована и кое-кому приходится страдать от необъяснимых случайностей.

Тобиас поморщился, но было уже слишком поздно. Усики Бомона встали дыбом.

– Да как вы смеете, мадам?! – яростно прошипел он. – Если вы пытаетесь намекнуть, что я намеренно скрываю сам факт преступления...

– Ну, поскольку ваше поведение невольно наталкивает окружающих на вопросы... – многозначительно протянула Лавиния.

– Довольно, – шепнул ей Тобиас. – А вы, сэр, должны быть снисходительны. Боюсь, гибель Фуллертон подвела даму на нервы. И вы совершенно правы: мне просто необходимо немедленно увезти ее в Лондон. Не тревожьтесь, мы завтра же уедем.

Ему удалось немного успокоить Бомона.

– Да, миссис Лейк, очевидно, крайне расстроена, – смягчившись, пробурчал тот. – Ей наверняка будет лучше дома, в знакомой обстановке.

Тобиас всей кожей чувствовал, что у Лавинии уже готова уничтожающая реплика. К счастью, ему удалось довести ее до двери. Оставалось только вытолкнуть ее в коридор, прежде чем она подольет новую порцию масла в огонь.

Он ощущал, как она дрожит от гнева. Самый воздух, казалось, накалился злобой.

– Поправь, если я ошибаюсь, – процедила она, – но, кажется, Бомон только что выкинул нас из замка.

– Твое заключение полностью совпадает с моим. Вот тебе и веселая вечеринка в провинции! Возможно, мы с вами не созданы для столь модных развлечений, мадам.

Глава 7

Они в молчании стали подниматься по главной лестнице.

– Вероятно, ты считаешь меня виноватой в том, что нас попросили уехать, – заметила Лавиния, когда они добрались до первой площадки.

– Да, но не стоит слишком изводить себя по этому поводу. Видишь ли, я и без того решил завтра же вернуться в Лондон.

Лавиния изумленно воззрилась на него:

– Но как насчет нашего расследования здесь, на месте преступления?

– По-моему, мы уже узнали все, что смогли. Убийца выполнил свою работу. Вряд ли он тут задержится. Не удивлюсь, если он уже успел покинуть эти места.

– М-да, вполне логично. Он задумал покончить с Фуллертоном именно здесь, поскольку знал, что ты будешь рядом, верно? Хотел убедиться, что ты обо всем узнаешь из первых рук.

– Боюсь, именно так и есть, – кивнул Тобиас.

Они добрались до этажа, где помещалась спальня Лавинии, и увидели, что в коридоре собралась небольшая компания: две женщины неопределенных лет в халатах из набивного коленкора и огромных ночных чепцах оживленно беседовали с молодым человеком лет двадцати пяти. Очевидно, темой разговора была гибель Фуллертона.

– Мои соседи по этажу, – тихо объяснила Лавиния. – Мужчина – мистер Пирс, парикмахер леди Оукс, а дамы – компаньонки гостей леди Бомон.

Все головы повернулись к Лавинии и Тоби. Глаза блестели жадным любопытством, но Тобиас заметил, что взгляды женщин были особенно пронизывающими. Обе взирали на него со странно сосредоточенным и в то же время ошеломленным выражением.

Даже не будь он предупрежден Лавинией, сразу сумел бы определить положение этих особ. Обе отличались смиренным, почти униженным, поблекшим видом, безошибочно выдававшим благородных, но обедневших дам, которым иначе просто некуда было деваться.

Вероятно, обе легли спать рано: компаньонкам не полагалось участвовать в вечерних развлечениях. Они существовали в том же особом, не слишком уютном и приятном чистилище, что и гувернантки: не слуги, но и не ровня тем, у кого работали.

Сочетание хорошего воспитания и бедности обрело их на профессии, обязывающие молчать и держаться в тени.

Ему пришло в голову, что возможность посудачить о страшном происшествии – самое волнующее событие за много лет их жизни.

Сам он встречал только двух компаньенок, резко отличавшихся от общепринятого представления о дамах подобного рода, – Лавинию и ее племянницу. Правда, они недолго оставались в этой должности, поскольку их темперамент явно ей не соответствовал.

– Миссис Лейк! – воскликнул парикмахер. – Мы только что говорили о вас! Боялись, что на вас неприятно подействовало страшное зрелище! Вы здоровы? Может, принести нюхательные соли?

– Благодарю, мистер Пирс, я совершенно здорова, – ободряюще улыбнулась Лавиния. – Позвольте познакомить вас с мистером Марчем. Мисс Ричардс, мисс Гилуэй, это мой друг мистер Марч.

Тобиас учтиво наклонил голову:

– Рад знакомству, леди.

Обе женщины залились краской.

– Мистер Марч! – просияла мисс Гилуэй.

– Сэр, – прошептала мисс Ричардс.

– А это мистер Пирс. – Лавиния простерла руку грациозно-театральным жестом, словно объявляя о появлении на сцене знаменитого актера. – Это он создал очаровательную прическу леди Оукс, которой все так восхищались сегодня вечером. Надеюсь, вы помните ее, сэр?

– Сомневаюсь, – признался Тобиас.

– Ярус за ярусом поразительно искусно уложенных локонов, поднятых надо лбом. – Она подняла руки над головой, изобразив невысокую пирамиду. – А сзади пучок из кос, переплетенных с локонами. Клянусь, леди Оукс выглядела весьма впечатляюще.

– Э... разумеется. – Он совершенно не помнил никакой прически леди Оукс, но все же кивнул Пирсу: – Изумительно.

– Спасибо, сэр. – Пирс низко поклонился и принял подобающе скромный вид. – Мне тоже казалось, что вышло неплохо. Этот ряд локонов надо лбом и петля из кос, охватившая пучок, – мое собственное изобретение. Я считаю его своей визитной карточкой.

– М-м... – Лавиния улыбнулась. – Я не сразу вернулась к себе, потому что мы с мистером Марчем решили расследовать некоторые обстоятельства гибели лорда Фуллертона.

– Ясно. – Пирс смерил Тобиаса коротким оценивающим взглядом. – Да, припоминаю, что у вас и вашего помощника есть довольно странное хобби. Вроде бы вы берете комиссионные за некие частные расследования. Но вам не следовало подвергать себя столь страшному испытанию, мадам. Подобные зрелища не для глаз хрупких женщин и могут вызвать ночные кошмары.

Непомерная забота парикмахера непонятным образом раздражала Тобиаса. Ему вдруг пришло в голову, что Пирс – один из тех мужчин, внешность которых молодые девушки вроде Эмелин и ее подруги Присциллы описывали как ужасно романтическую.

Сам он не мог считаться экспертом в подобных вещах, но был просто уверен, что вроде бы небрежная волна кудрей, безыскусно падавших на лоб Пирса, отнюдь не являлась даром природы. Несколько приятелей Энтони в последнее время тоже приобрели нечто в этом роде. Сам Энтони объяснял, что не собирается следовать их примеру, поскольку терпеть не может опасно раскаленные щипцы для завивки и не собирается проводить долгие часы перед зеркалом.

Похоже, Пирсу помешали отойти ко сну. На нем были белая сорочка с жабо и модные брюки с заложенными сверху складками. Вокруг шеи была свободно повязана красивая черная лента в подражание моде, установленной лордом Байроном и романтическими поэтами. Впрочем, узкая лента не скрывала груди, обнаженной распахнутым воротом сорочки.

– Какие же расследования проводили вы и мистер Марч? – спросила мисс Гилуэй, не сводя глаз с Тобиаса.

– Попытались убедиться, что здесь нет грязной игры, – пояснила Лавиния.

– Грязной игры?

Мисс Ричардс обменялась с подругой взглядами, полными восторженного ужаса.

– Только не говорите, что это было убийство!

– Боже! – пролепетала вторая дама, обмахиваясь ладонями. – Да это просто невероятно! Кто бы мог подумать!

– Убийство, – пробормотал Пирс, глядя на Лавинию. – И вы это серьезно, миссис Лейк?

До Тобиаса внезапно дошло, что такое же зачарованно-потрясенное выражение он видел на лице Энтони. Типично юношеский энтузиазм по поводу всех зловещих и таинственных преступлений!

– Если верить лорду Бомону и местному доктору, это скорее всего не убийство, – безразлично заметила Лавиния.

– Вот как!

Возбуждение Пирса мгновенно испарилось. Обе компаньонки казались одинаково разочарованными.

– Слава богу, – вежливо обронила мисс Гилуэй.

– Такое облегчение, – словно по обязанности добавила мисс Ричардс. – Вообразить страшно, что по замку Бомон бродит убийца!

Дамы снова устремили настойчивые взоры на Тобиаса.

– В самом деле, – кивнула Лавиния. – Впрочем, причин для беспокойства нет. Я уверена, что вам ничто не грозит этой ночью. Как по-вашему, Тобиас?

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Тобиас, взяв ее за руку. – Позвольте проводить вас до спальни. Час поздний, а нам нужно выехать с утра пораньше.

– Вы возвращаетесь в Лондон завтра? – поспешно спросила мисс Гилуэй. – Но почему так скоро?

– Важные дела, – холодно пояснила Лавиния, но тут же улыбнулась любопытной троице. – Я хочу попрощаться с вами сейчас, поскольку вы, вне всякого сомнения, будете еще спать, когда мы уедем.

– Желаю вам приятного путешествия, мадам, – сказал Пирс с очередным грациозным поклоном. – И помните, что я сказал в начале вечера, когда вы шли на бал. Буду счастлив иметь вас в качестве клиентки. Я чувствую, что смогу творить чудеса с вашими волосами.

– Спасибо, мистер Пирс, буду иметь в виду, – кивнула Лавиния, опираясь на руку Тобиаса, и, поколебавшись, пробормотала: – Кстати говоря, о парикмахерском искусстве... у меня вопрос к вам, сэр.

– К вашим услугам, мадам, – галантно заверил Пирс. – Вероятно, вопрос касается событий сегодняшней ночи?

– Только косвенно. Должно быть, вам часто приходится иметь дело с париками, накладными косами и тому подобным, не так ли?

– Каждая молодая дама, желающая следовать моде, просто обязана иметь шиньон или два, – с полной убежденностью заверил Пирс. – По достижении же определенного возраста женщина обязательно должна потратиться на несколько париков. Другого выбора у нее просто нет, если, разумеется, она желает прослыть настоящей светской львицей.

– Вы видели гостей, собравшихся на балу. Не заметили, случайно, дам в светлых париках?

– Светлых?! – Пирс картинно вздрогнул. – Господи милостивый. Конечно, нет, мадам! Да я бы положительно ужаснулся при виде подобного зрелища!

– И какого дьявола вы были бы так шокированы? – процедил Тобиас, кривя губы. – Сами только что сказали, что модной даме полагается иметь парики.

– Да, но не светлые. – Пирс возвел очи горе, очевидно, искренне возмущенный глупостью собеседника. – Вижу, сэр, вы ничего не понимаете в хорошем тоне. Позвольте уведомить вас, что там, где речь идет о париках, фальшивых косах, накладках и тому подобном, светлые волосы почти так же немодны, как рыжие.

Последовало тяжелое, напряженное молчание. Все уставились на Лавинию, чьи ярко-рыжие волосы переливались медью в свете настенного канделябра.

Тобиас вдруг сообразил, что парикмахер только сейчас оскорбил его возлюбленную, и пронзил Пирса жестким взглядом.

– Я считаю, что волосы миссис Лейк необычайно красивы и очень ей идут, – спокойно парировал он, и, хотя при этом не повысил голоса, обе компаньонки поежились и дружно отодвинулись на несколько шагов. Они по-прежнему смотрели на Тобиаса, но уже без особенного, чисто женского интереса. Теперь они пялились на него так, словно он прямо у них на глазах превратился в бешеного зверя.

– Тобиас, – тихо велела Лавиния, – немедленно прекрати.

Но он не собирался прекращать: уж очень был раздражен. Да и вечер выдался долгим и на редкость тяжелым.

Один Пирс, казалось, совершенно не сознавал, что попал в беду. Его внимание было приковано к Лавинии.

– Мадам, вы действительно должны позволить мне нанести вам визит, после того как мы все вернемся в Лондон, – настаивал он с на первый взгляд искренней озабоченностью. – Я так много мог бы сделать для вас. Клянусь, вы будете великолепно выглядеть в темно-каштановом парике. Такой драматический контраст с зелеными глазами!

Лавиния нахмурилась и пригладила волосы.

– Вы действительно так считаете?

– Вне всякого сомнения.

Пирс положил руку на грудь и стал задумчиво гладить подбородок, озирая Лавинию взглядом скульптора, изучающего свое незаконченное творение.

– Я уже представляю результаты, и они будут ошеломительными, даю вам слово. Может, стоит использовать накладки и щипцы для завивки, чтобы прибавить вам роста. Вы лишены статности, необходимой для подлинной элегантности.

– Ад и проклятие! – взвился Тобиас. – Лично я считаю, что у миссис Лейк самый что ни на есть подходящий размер.

Пирс удостоил его мимолетным взглядом, который, однако, самым невероятным образом вместил в себя все аспекты внешности Тобиаса и равнодушно скользнул мимо, как будто встретился с чем-то, совершенно не стоящим внимания.

«Полнейшее пренебрежение, – с мрачной веселостью подумал Тобиас. – И от кого?! От цирюльника, не больше и не меньше!»

– Видите ли, сэр, – пробормотал Пирс, – вряд ли вас можно назвать большим знатоком мод, следовательно, и не вам судить о потенциальных возможностях миссис Лейк!

Тобиас представил, с каким удовольствием оторвет Пирсу голову, но претворить планы в жизнь помешала Лавиния, предостерегающе вцепившаяся ему в локоть. Поэтому он, хоть и с неохотой, отказался от своего замысла. Кроме того, она права. Возни и крови слишком много, а час уже поздний.

– Вы очень добры, что высказали свое профессиональное мнение, мистер Пирс, – кивнула Лавиния, улыбаясь самой лучезарной, самой заученной из своих улыбок. – Я подумаю над вашим предложением.

– Позвольте дать вам карточку.

Пирс выхватил из кармана брюк прямоугольничек белого картона и торжественно вручил Лавинии.

– Пожалуйста, пошлите записку по этому адресу, когда будете готовы подняться на более высокий уровень элегантности и стиля. Буду счастлив включить вас в свой список клиентов.

– Спасибо.

Лавиния взяла карточку и кивнула мисс Ричардс и мисс Гилуэй:

– Спокойной ночи, и желаю вам благополучного путешествия домой.

Ей ответил нестройный хор. Пирс ретировался в спальню. Компаньонки отправились к себе: у них была одна комната на двоих. Тобиас и Лавиния пошли по коридору.

– Почему вы так угрюмы, сэр? – осведомилась Лавиния, открывая дверь спальни и поворачиваясь к Тобиасу. – Клянусь, вы напоминаете мне грозное небо.

Тобиас оглядел теперь уже пустой коридор, продолжая думать о только что состоявшемся разговоре.

– Твой вопрос насчет светлого парика был весьма своевременным и открывает некоторые интересные возможности.

– Благодарю, – обрадовалась Лавиния, не давая себе труда скрыть, как счастлива этим незамысловатым комплиментом. – Разумеется, если светлые парики настолько немодны, вполне резонно, что убийца вряд ли приобрел именно такой, который запомнили бы все окру-

жающие. Следовательно, вполне можно предположить, что убийца действительно женщина с желтыми, как солома, волосами.

– Наоборот, я сделал бы совершенно противоположный вывод.

– Прости, не поняла...

– Давай рассуждать, Лавиния. Главной отличительной особенностью убийцы можно считать эти желтые волосы да еще чересчур большой чепец. Ведь именно эти две вещи и произвели на тебя сильнейшее впечатление, когда ты увидела горничную в коридоре, верно?

– Да, но... – Лавиния внезапно осеклась и тихо ахнула. – Понимаю. Убийца постарался, чтобы возможные свидетели запомнили его именно по этим приметам.

Тобиас кивнул:

– Главный талант Мemento Мори заключался в том, чтобы сбить следствие с верного пути. Если его последователь пошел той же дорогой, наверняка изберет именно эту тактику. Поэтому разумнее всего считать, что это был парик. И я уверен также, что под женским платьем скрывался мужчина.

– Вот это совершенно не обязательно, – нерешительно протянула Лавиния. – Но я согласна с тобой насчет парика.

– Во всяком случае, нам есть с чего начать, – объявил он, опершись о косяк. – Если светлые парики вышли из моды, значит, в лавках их нелегко отыскать. В Лондоне не так много изготовителей париков. Мы сумеем довольно быстро найти того, кто продал фальшивые светлые волосы.

– Вот тут ты ошибаешься. Верно, что любой изготовитель или продавец париков, продавший изделие столь немодного оттенка, сумеет припомнить покупателя. Но вот найти лавку... Видишь ли, парик могли приобрести не в Лондоне. Очень много светских дам и джентльменов заказывают парики в Париже. Не забывай также, что его могли украсть в театре или из актерского сундука. Поиски изготовителя париков, который работал на убийцу, вполне вероятно, окажутся пустой тратой времени.

– Тем не менее это улика, одна из немногих, которые у нас есть.

Она не стала оспаривать это утверждение, только задумчиво свела брови.

– Тобиас, что заставляет тебя считать, будто убийца – мужчина? Лишь та причина, что он носит парик? По-моему, не стоит так уж на это полагаться. Мы можем жестоко ошибиться, если откинем вероятность того, что с Фуллертоном была женщина.

– Есть и еще кое-что, помимо парика.

– Тебе трудно представить, что женщина способна быть профессиональным убийцей?

– Не совсем. Все дело в кольце. Именно оно и убеждает меня, что мы охотимся за женщиной, – тихо объяснил он. – Слишком уж все это напоминает о Закери Элланде. Словно кто-то намеренно ему подражает.

– Но ведь и женщина может ему подражать.

Тобиас покачал головой, не зная, как объяснить внутреннюю логику своих мысленных построений.

– Мне кажется более естественным, что именно мужчина решил потягаться с другим мужчиной и, возможно, превзойти его.

– Ах да, – сосредоточенно кивнула она. – Я давно заметила, что в мужчинах чрезвычайно силен дух соревнования. Они так любят скачки, матчи боксеров и пари, верно?

Тобиас поднял брови:

– Только не говори, что в женщинах отсутствует инстинкт соперничества. Я сам наблюдал настоящие сражения, разгорающиеся в бальных залах светского общества во время сезона. Ни для кого не секрет, что мамыши, одержимые желанием выгодно выдать дочку замуж, способны на самые замысловатые интриги, а их стратегические планы вполне достойны зависти самого Веллингтона.

К его удивлению, Лавиния не улыбнулась и только хмуро наклонила голову, словно признавая его правоту.

– Нужно заметить, что удачный брак действительно требует чрезвычайного внимания и трезвого расчета. В конце концов, речь идет о будущем не только женщины, но и ее детей, – заметила она.

– Ха! Я не думал об этом в столь мелодраматических терминах.

– По моему опыту, мужчины редко думают о женитьбе в столь мелодраматических терминах.

Тобиас нахмурился, предположив по ее тону, что упустил что-то, но, прежде чем успел потребовать объяснений, Лавиния зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Пожалуй, сегодня меня не хватит ни на что серьезное. Предлагаю перенести дискуссию на завтра. До города шесть часов езды, и у нас будет время поговорить.

– Не напоминай мне, – буркнул Тобиас.

– Спокойной ночи.

– Только один вопрос перед уходом.

– Да?

– Что, среди парикмахеров вошло в моду расстегивать сорочку перед респектабельными дамами?

Лавиния хмыкнула:

– Парикмахеры – тоже художники, сэр, и вправе устанавливать собственную моду.

– Ха!

Лавиния отступила и попыталась закрыть дверь. Глаза весело блеснули в полумраке.

– Не стоит тревожиться за деликатность чувств мисс Ричардс и мисс Гилуэй. Хотя вид мистера Пирса в дезабилье, вне всякого сомнения, одно из самых волнующих зрелищ в их достаточно скучной жизни, должна сказать, что вами они восхищались не меньше.

Сообразив, что она многозначительно смотрит на его грудь, он удивленно пробормотал:

– Какого дьявола?!

Ответ он получил, когда опустил глаза и увидел, что верхние пуговицы сорочки расстегнуты: должно быть, это произошло за те минуты, что они с Лавинией провели вместе до того, как падение Фуллертонса самым роковым образом прервало их любовное свидание.

– Ад и проклятие! – прошипел Тобиас.

– Думаю, ты и мистер Пирс подарили дамам столько впечатлений, что они еще несколько месяцев ни о чем другом говорить не смогут, – усмехнулась она и очень мягко закрыла дверь перед его носом. Тобиас выпрямился и направился к лестнице, размышляя о том, сколько неприятностей принес им этот домашний прием. А ведь сначала все виделось в радужном свете! Но на деле наперекосяк пошло все, что только могло пойти наперекосяк. Даже левая нога, которая благодаря теплой солнечной погоде совсем не беспокоила последние недели, начала побаливать по причине бесконечных хождений вверх и вниз по лестнице.

Ему не удалось осуществить единственное, чего он ждал с такой надеждой, таким энтузиазмом: целую ночь любви с Лавинией в уютной постели.

Мало того, он даже не мог вернуться в свою спальню. Сначала следовало кое-что сделать.

Тобиас спустился вниз. Оказалось, что на его этаже все тихо. Гости разошлись по комнатам, и дом снова погрузился в сонный покой.

Дорогу к спальне Аспазии освещали настенные канделябры. Тобиас остановился у двери, поколебался немного, но все же постучал. Аспазия открыла сразу, словно ждала его. Зеленый атлас халата блестящими волнами лежал у ног, в глазах светилась тревога. Полные губы были напряженно сжаты.

– Ну?! – прошептала она.

Он смотрел на нее, каким-то уголком сознания понимая, что она, вероятно, самая прекрасная из встреченных им женщин. Неожиданно свинцовая усталость навалилась на него, та самая усталость, которую не прогонишь несколькими часами сна. Она будет преследовать его, пока последние тени прошлого не рассеются.

Тобиас рассеянно потер затылок.

– Твои предположения оказались верными. Кому-то, похоже, не дает покоя слава Мemento Мори. Кем бы он ни был, сегодня он посетил нас.

Аспазия судорожно сжала края ворота халата.

– Фуллертон?!

– Да. Я нашел в спальне кольцо.

Она на мгновение зажмурилась, а когда снова открыла глаза, в них застыл страх, который даже она, с ее светским опытом и умением скрывать свои чувства, не смогла спрятать.

– Он специально обставил это убийство со всей возможной театральностью, чтобы известить тебя о своем возвращении? – вырвалось у нее. – Видимо, знал, что ты сегодня будешь здесь. Хотел известить тебя, что он снова вышел на охоту.

Тобиас раздраженно передернул плечами:

– Не говори так. Элланд не встал из могилы!

– Разумеется, и я это понимаю, – вздохнула она. – Мне не стоило говорить так необдуманно. Прости. Меня трясет как в ознобе, и нервы ужасно разгулялись с той самой минуты, как экономка принесла мне коробочку с кольцом. Боюсь, все случившееся совершенно выбило меня из колеи.

Ему не следовало бы кричать на нее. Эта умная, сильная женщина много перенесла три года назад из-за Элланда, и теперь, похоже, все повторяется. Да и ему нелегко.

– Кто-то сделал все, чтобы мы убедились в появлении нового Мemento Мори, – спокойно констатировал он. – Прекрасно, послание передано и прочитано. Я доберусь до него, как добрался до Закери.

Аспазия робко улыбнулась дрожащими губами.

– Спасибо, Тобиас. Я знала, что могу положиться на тебя. Жаль только, что не поняла этого три года назад, когда позволила обаянию Закери себя ослепить.

Тобиас решил, что не желает больше слышать подобных признаний, и поспешно отступил от двери.

– Постарайся отдохнуть, Аспазия. Я должен выезжать завтра утром, так что увидимся в Лондоне.

– Но почему ты покидаешь меня?

Не было необходимости объяснять, что Лавиния умудрилась разозлить хозяина и их обоих с позором изгнали из дома. Нужно высоко держать марку «Лейк и Марч».

– Я сделал здесь все, что мог, – холодно объяснил он, – и теперь должен вернуться в город, чтобы продолжать расследование. Время не ждет.

– Да, конечно. – Она поколебалась, не делая попытки закрыть дверь. – Тобиас, я сказала то, что думала. Как глупо, что три года назад я не поняла всю глубину разницы между тобой и Закери. Но теперь я стала гораздо мудрее и за то время, что мы жили в разлуке, многое узнала. Вижу, и у тебя есть свои сожаления о том, что случилось в прошлом. Не хочешь зайти и немного поговорить?

Приглашение не могло быть откровеннее, даже запечатлей она его на бумаге. Аспазия недвусмысленно приглашала его в постель.

– Не думаю, что это хорошая идея, – пробормотал он. – Уже глубокая ночь, а завтра рано вставать. Прощай, Аспазия.

Она грустно улыбнулась.

– Да, разумеется, я понимаю. И счастлива, что ты нашел ту, которая тебе небезразлична, Тобиас.

Он отошел. Дверь тихо закрылась за его спиной.

У подножия лестницы Тобиас помедлил. Самым разумным будет продолжать путь к своей комнате. Если он не сможет заснуть, проведет в сборах время до рассвета.

Он еще немного постоял у лестницы. Вокруг ни души. Не слышно ничьих шагов. Очевидно, насильственная смерть лишила гостей охоты к ночным играм.

После недолгих размышлений он передумал и послал разумные намерения ко всем чертям. Поэтому поднялся на этаж Лавинии и зашагал к ее двери. Он постучит очень-очень тихо. Если она не ответит, значит, вероятнее всего, заснула. И тогда он поступит как настоящий джентльмен, вернувшись к себе.

Тобиас едва слышно стукнул в дверь, которая немедленно отворилась на несколько дюймов. Лавиния улыбалась в узкую щель. Она уже успела переодеться в длинную белую ночную сорочку. Тонкие кружева пенились у горла.

Кровь Тобиаса мигом загорелась.

– Мне вдруг пришло в голову, – прошептал он, ступив через порог, – что ночь все-таки не должна пройти даром.

– Превосходная мысль.

Она закрыла дверь и повернулась к нему. Тобиас заметил, что Лавиния распустила волосы и тонкие прядки образовали огненный нимб вокруг ее умного, интригующего лица. Глаза казались озерами чувственной тайны. Она улыбнулась медленной, загадочной улыбкой, отчего у него внутри все сжалось.

Он схватил ее в объятия. Когда их губы встретились, пламя страсти вспыхнуло с новой силой. Как всегда, когда он держал ее вот так.

Она предназначена для него.

С ней ему не приходилось ни в чем себя ограничивать. Он даже мог рискнуть настолько, чтобы позволить Лавинии подойти совсем близко к тому уголку своей души, который он тщательно скрывал от посторонних всю свою жизнь.

Он подхватил ее и понес к узкой кровати. Опустил на одеяла и помедлил ровно столько, чтобы сорвать с себя одежду.

И тогда она улыбнулась и протянула ему руки.

Его собственный личный месмерист, подумал он. Единственная, кто может ввести его в транс.

– Лавиния...

Тобиас устроился между ее мягкими теплыми бедрами, сжал запястья и поднял ее руки над головой. Почти болезненная потребность терзала его.

Он нагнул голову и прошептал:

– Иногда я так сильно хочу тебя, что удивительно, как это желание не испепелит меня.

– О, Тобиас, неужели не понимаешь? Когда сгораешь ты, сгораю я.

Тобиас зажмурился, выпустил ее запястье, поднял подол длинной сорочки и провел ладонью по шелковистой коже внутренней поверхности бедер, а когда достиг цели, нашел ее горячей и уже влажной. Запах ее тела пьянил, кружил голову.

Он коснулся ее. Лавиния затаила дыхание и чуть подалась вперед. Ее свободная рука стиснула его голое плечо: пальцы впивались в кожу. Она нетерпеливо попыталась вырвать вторую руку, но Тобиас настойчиво продолжал прижимать ее к подушке.

– Рано, – пробормотал он, почти не отнимая губ от ее груди. – Сначала скажи, как ты хочешь, чтобы я тебя ласкал.

– Ты ласкаешь меня именно так, как мне хочется. Ты, кажется, всегда знаешь, что нравится мне больше всего.

Он скользнул кончиками пальцев чуть выше, прижав крохотную набухающую горошину.

– Может, вот так будет еще лучше?

Лавиния застонала и приподняла бедра.

– О да... чудесно...

– А как насчет этого?

Он проник в нее пальцем и нажал сильнее.

– Тобиас.

– Насколько я понял, это еще лучше.

– Да, – выдохнула Лавиния, надавливая на его ладонь. – Лучше... чем идеально...

Он попытался отнять палец. Крохотные мышцы судорожно сжались.

– Нет, – едва не заплакала она. – Коснись меня снова... вот так...

– Скажи точно, чего ты хочешь.

Она зарылась пальцами в его волосы и притянула его голову к своей груди.

– Ты знаешь, чего я хочу. Ты единственный, кто знает. Коснись меня, Тобиас.

У него шла кругом голова.

– Всегда готов услужить леди.

Он накрыл губами ее сосок и одновременно проник пальцем еще глубже, лаская внутренние стенки ее тесного грота.

Лавиния что-то несвязно пробормотала, извиваясь под ним, и снова попыталась освободить руку. Ах, как она сильна... гораздо сильнее, чем кажется.

– Нет, – прошептал он, – я хочу, чтобы ты разлетелась на миллион звезд в моих руках.

– Тобиас.

Еще глубже. Еще настойчивее.

Она тихо вскрикнула.

Глаза закрылись.

Он ласкал ее, пока она не обезумела, и только тогда отпустил ее запястье. Она с силой прижала его к себе и обвила ногами поясницу.

Он овладел ею.

Она снова вскрикнула, содрогаясь в конвульсиях, и только тогда он излился в нее, сотрясаемый невидимым штормом.

Они вместе ринулись в водоворот.

Долгое время спустя он очнулся от тяжелого, сладостного сна, последовавшего за бурей страсти. Кровать была в самом деле слишком узка для двоих, но Тобиас и не думал жаловаться.

Пряный, густой запах плотской любви ощущался в воздухе, и Тобиас знал, что в его представлении он всегда будет связан с ней.

Она расслабленно лежала на нем. Голова покоилась на его плече, волосы рассыпались по груди. Сорочка сбилась, обмотавшись вокруг талии. Свеча почти догорела, но в тусклом свете все же были различимы округлые контуры ее голых бедер.

Он провел ладонью по ее спине, до самых мягких изгибов ягодиц.

– Спишь? – едва слышно спросил он.

– Нет, – пробормотала она.

– Я люблю тебя. Что бы еще ни случилось, никогда этого не забывай.

Лавиния пошевелилась, подняла голову и нежно поцеловала его в губы.

– Я тоже люблю тебя, Тобиас. Что бы еще ни случилось, никогда этого не забывай.

Он пригладил ее разметавшиеся волосы.

– Никогда, милая.

И подумал, что они только сейчас произнесли обеты, связавшие их навеки.

Ему ужасно не хотелось покидать теплую постель, но он неохотно привстал.

- Пожалуй, нужно возвращаться к себе.
- Ты действительно хочешь проспать весь жалкий остаток этой ночи? – осведомилась она. Он ощутил, как плоть его дрогнула и снова затвердела.
- Я только сейчас сообразил, что до города ехать долго, – засмеялся он, целуя ее шею. – У нас еще будет время отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.